Луи-Фердинанд Селин

мертвый текст

ВОЙНА

Война

Луи Фердинанд Селин

Аннотация

Луи-Фердинанд Селин. ВОЙНА

Аннотация

Вниманию отечественного читателя предлагается первое русское издание романа Луи-Фердинанда Селина «Война», рукопись которого была сенсационно обнаружена летом 2021 года вместе с тремя другими рукописями Селина, считавшимися до этого момента безнадежно утраченными. «Война», безусловно, занимает центральное место в ряду этих находок. Этот роман, над которым Селин работал непосредственно после публикации «Путешествия на край ночи» (1932), восполняет важнейшую для понимания его творчества лакуну: пребывание на фронте во время Первой мировой войны, тяжелое ранение и курс длительного восстановления в военном госпитале. «Война» — единственное произведение Селина, где эти события получили полное и законченное отражение.

Жестокое время утраты иллюзий, все оттенки человеческой низости и лицемерия, гибель товарищей по оружию, обретение новых друзей в лице соседей по палате, борьба за выживание, боль, ужас, безысходность,

одиночество, ненависть, секс, любовь, череда трагических событий, постоянно переходящих в фарс, злой рок и чудесное спасение глазами главного гения мировой литературы XX столетия. Сложно представить себе книгу более актуальную для наших дней.

Луи-Фердинанд Селин
ВОЙНА

Следующую ночь я тоже встретил там. Окровавленное левое ухо приклеилось к земле, как и рот. В ушах страшно шумело. Этот шум меня убаюкивал, а потом к нему присоединился еще и стук дождя, довольно сильного. Тело лежавшего рядом со мной Керсюзона разбухло и почти скрылось под водой. Я протянул к нему руку. И пощупал его. Другой рукой я шевелить не мог. С моей второй рукой творилось что-то непонятное. Она то улетала в небеса, прямиком в космос, то снова падала, и мое плечо содрогалось от удара куска сырого мяса. Всякий раз я громко вскрикивал, но от этого становилось только хуже. Постепенно я приноровился орать потише, хотя полностью сдержаться от крика у меня не получалось, голова раскалывалась от шума, словно внутри нее громыхал поезд. Да и зачем было напрягаться. И вот наконец в этой каше, под свист несущихся отовсюду снарядов, в самом эпицентре жуткого грохота, я впервые заснул, правда кошмар вокруг никуда не делся, полностью сознания я не терял.

Я вообще все время оставался в сознании за исключением разве что нескольких часов, когда меня оперировали. А этот оглушительный шум не оставляет меня по ночам во сне с декабря 14-го. Война проникла ко мне в голову. Так и живу теперь с ней в голове.

Ну да ладно. Главное, что ночью я смог перевернуться на живот. Уже хорошо. Шумы внутри, раз уж они остались со мной навсегда, я научился отличать от тех, что снаружи. Вот с плечом и коленом пришлось не на шутку помучиться. И все же мне удалось подняться на ноги. Ко всему прочему я еще и жутко проголодался. Ну и видок у меня, наверное, был в том загоне, где нашел свой конец наш с Ле Дрельером отряд. Куда, интересно, он сам подевался? А все остальные? Уйма времени прошло, ночь и потом еще почти сутки, с тех пор как по ним здесь проехались катком. Остались лишь небольшие холмики в саду и на склоне, где повсюду дымились, потрескивали и догорали наши машины. Большая походная кузница еще не полностью обуглилась, знаки различия на мундирах тоже находились в процессе. Но аджюдана[1] от других я бы уже не отличил. Одну

[1] Примечания: 1

Аджюдан — старший унтер-офицер во французской армии. (*Здесь и далее примечания перев.*)

из лошадей, правда, я все же сумел разглядеть, как и покрытый пеплом кусок дышла за ней, к которому прилипли и болтались в виде лохмотьев остатки обвалившейся с одного конца стены фермы. Должно быть, они вернулись и снова пустились в галоп среди развалин под бомбами, а сзади, что немаловажно, по ним били пулеметы. Ле Дрельера тут обработали по полной программе. Я же по-прежнему сидел на корточках все в том же самом месте. Вокруг все было завалено мусором от разорвавшихся на мельчайшие осколки снарядов. А их тогда за считаные секунды прилетело сюда не меньше двухсот. Трупы, куда ни ткни. Парнишку с вещмешком, что характерно, разворотило, как гранату, от шеи до пояса. В его брюхе уже невозмутимо копошились две крысы, пожирая содержимое вещмешка и засохшие внутренности. Воздух был пропитан смрадом гниющего мяса и гари, особенно несло оттуда, где свалили в кучу с десяток выпотрошенных лошадей. Именно здесь и оборвался его галоп, хватило одного крупнокалиберного снаряда в двух-трех метрах. Внезапно я вспомнил еще и про сумочку с бабками, которую Ле Дрельер везде таскал с

собой[2], в голове у меня все окончательно спуталось. Я совсем разучился думать. Не получалось ни на чем толком сосредоточиться. И это, наряду с бушевавшим в моем мозгу нескончаемым ураганом, беспокоило меня даже больше творившейся вокруг херни. В конце концов шанс выбраться из этой заварушки, похоже, оставался только у меня одного. А я даже не был уверен в пушках вдали. Все смешалось. Я видел, как окрестные поля покидают малочисленные конные и пешие отряды. Лично я был бы рад и немцам, но они двигались в противоположном направлении. Очевидно, решили отсюда сваливать. Приказ есть приказ, ничего не поделаешь. Сражение на этом участке фронта, судя по всему, окончено. Значит, мне придется разыскивать свой полк в одиночку. И где же он теперь? Чтобы додумать хотя бы одну мысль до конца, мне приходилось возвращаться к ней по нескольку раз, словно

[2] Примечания: 2

По мнению большинства исследователей, Селин намекает здесь на ограбление полковой кассы, к которому он сам вместе с другими солдатами во главе с адъюданом Ле Дрельером также был причастен. Этот эпизод относится к периоду участия Селина в Первой мировой войне, предшествующему событиям, с которых начинается роман «Война». Частично этот период нашел отражение в произведении, известном русским читателям под названием «Бойня» (Casse-Pipe), до сих пор считавшимся — как теперь выяснилось, ошибочно — фрагментом утраченной рукописи «Войны». На самом деле, «Война» хронологически является продолжением «Бойни».

ты беседуешь с кем-нибудь на перроне, а мимо проходит поезд. Особенно надоедает постоянно повторять то одно, то другое. Приноровиться к такому процессу совсем не просто, можете мне поверить. Сегодня-то я уже натренировался. Двадцать лет обучения не прошли даром. Моя душа окрепла, подобно бицепсу. И не надо мне рассказывать про врожденные способности. Я сам научился музыке, спать, прощать и, как вы видите, даже освоил изящную словесность, ловко выхватываю аккуратные кусочки ужаса из шума, который уже никогда не закончится. Проехали.

Среди останков походной кузницы обнаружились банки тушеной говядины. Их разворотило огнем, но мне было не до изысков. Жажду, правда, тоже никто не отменял. Я ел одной рукой, и вся жратва пропиталась кровью, хорошо бы только моей, но еще и чужой. Теперь мне нужен был трупешник, у которого сохранилось бухло. И такой стрелок-кавалерист в конце концов нашелся у самого выхода из загона. Да еще сразу с двумя бутылками бордо за пазухой шинели. Позаимствованными, само собой, у офицеров.

После чего я решил потихоньку двигать на восток, мы же оттуда пришли. По сотне метров. Вскоре я обнаружил, что у меня проблемы с

распознаванием окружающих предметов. Мне показалось, что я вижу в поле лошадь. Я собрался сесть на нее, а вблизи выяснилось, что это раздувшаяся корова, сдохшая не менее трех дней назад. Сил у меня от этого явно не прибавилось. Потом я заметил еще и орудия батареи, которых опять-таки не существовало. Со слухом у меня тоже было глухо.

Реальных же фронтовиков я так пока и не встретил. Еще несколько километров. Я снова подкрепился кровью. Шум у меня в голове слегка поутих. И вдруг я все выблевал, обе бутылки. Вокруг все ходило ходуном. Черт, сказал я себе, Фердинанд. Ты же не собираешься сдохнуть сейчас, когда самое сложное уже позади!

Я твердо решил не сдаваться. Но тут я вспомнил сумочку и полностью обчищенные [полковые][3] фуры, после чего мои страдания утроились, к руке и нескончаемому шуму в голове добавились, потеснив их на второй план, муки совести. По натуре я совсем не злодей и едва снова не запаниковал. Вдобавок ко всему из-за крови язык у меня окончательно склеился, и я больше не мог гово-

[3] Примечания: 3

Здесь и далее квадратными скобками выделены слова и фразы, смысл которых при расшифровке рукописи остался не до конца проясненным.

рить даже с самим собой. Обычно это помогало мне взбодриться.

Местность здесь в целом достаточно ровная — однако предательские канавы, очень глубокие и заполненные водой, сильно затрудняют продвижение вперед. Без конца приходилось сворачивать и идти в обход, чтобы вернуться практически на то же самое место. Плюс мне еще постоянно мерещился свист пуль. Водопой, правда, возле которого я остановился на привал, все-таки оказался настоящим. Рука больше не выпрямлялась, и мне приходилось поддерживать ее другой рукой. Она безжизненно болталась у меня сбоку. На уровне плеча образовалось что-то вроде полностью пропитавшейся кровью тканевой губки. Стоило мне ею чуть пошевелить, как я буквально прощался с жизнью, такой резкой и, если так можно выразиться, высасывающей из меня все, что теплилось во мне живого, была эта боль.

А я чувствовал, что жизни во мне оставалось еще довольно много, и таким образом она сама себя во мне защищает, я бы даже так сказал. Никогда бы не поверил, что такое возможно, если бы мне об этом кто-нибудь рассказал. Держаться на ногах я теперь стал значительно увереннее и проходил уже по двести метров за раз. Однако

мои мучения вовсе не стали меньше, и боли по всему телу, от коленной чашечки до содержимого черепушки, продолжали сопровождать каждое мое движение. В ушах у меня окончательно воцарилась какофония, предметы вокруг утратили свою привычную форму и постоянно менялись. Они стали податливыми, как замазка, деревья больше не стояли на месте, дорога колебалась под моими говнодавами то вверх, то вниз. Мундира на себе я уже не чувствовал — только дождь. И по-прежнему ни души вокруг. Но даже в совершенно безлюдной заброшенной деревне шум у меня в ушах не стал тише. Эта пытка начинала меня по-настоящему пугать.

Мне казалось, что я способен спровоцировать возобновление боевых действий, настолько сильно шумело у меня в голове. А внутри меня уже громыхало, как во время настоящего сражения. Светило солнце, и в его лучах была отчетливо видна возвышавшаяся вдали над полями высоченная колокольня. Почему бы мне не пойти туда, говорю я себе. Это направление ничуть не хуже любого другого. И почти сразу же сажусь — в башке гремит, рука в клочья, а я мучительно пытаюсь вспомнить, что же я собирался делать. И не могу. С памятью у меня тоже полный швах. И тут

меня бросает в жар, расстояние до колокольни на глаз уже не определишь, она то приближается, то снова удаляется. Возможно, и она всего лишь мелькающий у меня в голове мираж. Однако так просто меня с толку не собьешь. Боли-то у меня настоящие, значит, и колокольня тоже существует. Несложная логическая выкладка, и я снова обретаю веру в себя. И вновь отправляюсь вниз по обочине дороги. Какой-то тип шевелится в луже на повороте, меня он, разумеется, тоже замечает. Сначала я решил, что наверняка у меня опять глюки, и это корчится жмурик. Весь в желтом, с винтовкой, такой формы, как у него, я еще ни разу не встречал. Не пойму, это он дрожит, или меня самого трясет. Он подзывает меня к себе рукой. Можно и подойти. Я ведь ничем не рискую. И только он начинает говорить, как меня осеняет. Это же англичанин. Хотя встретить в моем положении англичанина — это было что-то из сферы фантастики, безусловно. В пасти у меня полно кровищи, а я вдруг отвечаю ему по-английски, само как-то получилось. Когда я у них был, меня и дюжину слов не могли заставить выдавить из себя, чтобы научить языку, а тут я беседую с типом в желтом. Сказались пережитые мной потрясения, не иначе. Между тем, начав

изъясняться на английском, я ощутил некоторое облегчение в ухе. Шум как будто немного стих. Неожиданно он предлагает мне опираться на него. И очень бережно берет меня под руку. Я постоянно останавливался. Ладно, думаю, пусть уж лучше он, а не какой-нибудь мудила из наших меня подберет. По крайней мере ему мне не придется пересказывать все, что приключилось со мной во время войны, чтобы объяснить, как завершилась наша экспедиция.

— Where are we going?[4] — спросил я его…

— В Ипрэ-эс! — отвечает он.

Ну конечно же, эта колокольня в Ипрэ-э-эсе. Городская колокольня, мне ничего не почудилось. И ходу до нее не меньше четырех часов, с нашей-то хромотой, по тропинкам, а то и прямиком через поля. Перед глазами у меня стоял туман, слегка подернутый сверху красной пеленой. Мое тело словно распадалось на части. Промокшую часть, пьяную, жуткую часть руки, отвратительную часть уха, ту, что вселяла в меня надежду и была исполнена дружеских чувств к англичанину, часть как бы ненароком отклонявшегося в сторону колена, часть, оставшуюся в прошлом, которая

---

[4] Примечания: 4
Куда мы идем? (*англ.*)

пыталась, я как сейчас это помню, безуспешно прицепиться к настоящему — и, наконец, часть, устремленную в будущее, пугавшее меня сильнее всего, и была еще одна, смеющаяся часть, которая, не обращая внимания на остальные, хотела обо всем рассказывать. А к такому числу напастей действительно уже невозможно стало относиться всерьез, они и вправду выглядели забавно. Мы прошли где-то около километра, и тут мне расхотелось идти дальше.

— Ты далеко собрался? — уточняю я у него на всякий случай.

И останавливаюсь. Больше ни шагу вперед. Между тем до Ипра осталось не так уж и далеко. Расстилавшиеся вокруг нас поля вздувались разбухшими шевелящимися кочками, казалось, это огромные крысы поднимают комья земли, перемещаясь под бороздами. А может, даже и люди. Там вполне могла орудовать целая подземная армия… Кругом все колыхалось, как море с настоящими волнами… Пожалуй, мне стоило бы присесть. Да и бушевавший в моих ушах ураган ни на секунду не смолкал. Внутри меня уже вообще ничего не осталось, кроме нескончаемого ураганного сквозняка. И вдруг я изо всех сил заорал.

— I'm not going! I'm going[5] исполнить свой воинский долг!

Сказано — сделано. Я вновь поднимаюсь, весь в крови, рука и ухо тоже при мне, и направляюсь навстречу врагу, туда, откуда мы пришли. Теперь уже мой компаньон начинает на меня кричать, причем я понимал буквально все. Похоже, у меня усилился жар, и чем выше у меня поднималась температура, тем совершеннее становилось мое знание английского. Да, я едва передвигаю ноги, но чего-чего, а отваги мне всегда было не занимать. И ему, как бы он ни старался, меня не остановить. Так мы с ним и собачились, иначе не скажешь, стоя посреди равнины. К счастью, нас там никто не видел. В конечном итоге, правда, он все-таки победил, с силой сжав мою изувеченную руку. После чего я просто вынужден был уступить. И пойти за ним. Однако не прошли мы и четверти часа в направлении города, как я замечаю, что нам навстречу по дороге скачет около дюжины кавалеристов в хаки. Они стремительно надвигались, и я уже было подумал, что нас сейчас снова атакуют.

— Ура! — завопил я практически сразу, как их

---

[5] Примечания: 5
Я не иду! Я собираюсь (*англ.*)

увидел. — Ура!

И тут до меня дошло, что это англичане.

— Ура! — в ответ поприветствовали меня они.

Их офицер приближается. И делает мне комплимент.

— Brave soldier! Brave soldier![6] — говорит он. — Where do you come from?[7]

Хороший вопрос, я бы и сам не прочь узнать, откуда я кам фром. Этот урод опять сбил меня с толку.

Теперь я готов был идти и вперед, и обратно, куда угодно, лишь бы побыстрее отсюда свалить. Мой спутник, на которого я опирался, пинками подгонял меня по направлению к городу. И срать они хотели на мой воинский долг. Да я и сам уже перестал понимать, зачем собирался вернуться, да и собирался ли, я чувствовал только сильную боль внутри. Ле Дрельер об этом тоже не узнает. Он уже покинул нас навсегда. Между тем дорога плавно, можно даже сказать, словно намереваясь меня поцеловать, приблизилась к моим глазам, и я улегся на нее, как на мягкую перину, в то время как в башке у меня продолжались бомбардиров-

---

[6] Примечания: 6
Храбрый солдат! Храбрый солдат! (*англ.*)

[7] Примечания: 7
Откуда вы идете? (*англ.*)

ки. А потом все смолкло, и только всадники в хаки никуда не делись, точнее их [приглушенный] галоп, потому что я больше ничего не видел.

Очнувшись, я обнаружил себя в церкви лежащим в настоящей постели. Меня разбудил все тот же шум в ушах, и еще, кажется, привидевшаяся мне во сне собака грызла мою левую руку. Но это уже мелочи. Боль, какую я испытывал, превысила все мыслимые пределы, и если бы мне тогда без заморозки, по живому разрезали живот, и то, наверное, хуже бы не стало. И так продолжалось не час и не два, а всю ночь. В какой-то момент во тьме у меня перед глазами взлетела и вяло, но не без изящества, опустилась чья-то рука, и у меня внутри словно что-то встрепенулось.

Невероятно. Это реально была рука телки. И несмотря на свое состояние, я почувствовал, как у меня встает. Краем глаза я стал вглядываться в темноту между двух коек, где должна была находиться ее пятая точка. И сумел разглядеть колыхавшуюся под натянутой тканью задницу. Похоже, я опять вижу сон. В жизни ничему нельзя доверять. Мысли вновь путались и сбивались в кучу у меня в мозгу, словно эта задница на них так подействовала. Меня задвинули в самый дальний угол церкви, который был хорошо осве-

щен. И тут я потерял сознание, судя по запаху, из-за наркоза. Должно быть, прошло не меньше двух дней, когда я очнулся от еще более нестерпимой боли, голова буквально раскалывалась от шума, я даже не сразу поверил, что это в реальности. Удивительно, но я как сейчас помню этот момент. И дело вовсе не в обилии или разнообразии испытываемых мной тогда страданий, куда хуже, что ты погружаешься в состояние полного дебилизма и не способен контролировать вообще ничего, включая собственную тушку. Это была такая глубина падения, ниже которой опуститься уже невозможно. Ваше призвание, долг, верность которым вы всегда хранили, годы лишений, упорного труда, все летит к чертям, превращается в груду никчемных осколков, и попробуйте потом их собрать. Жизнь надо мной тогда вдоволь поизмывалась. И когда она снова решит заставить меня биться в агонии, я просто плюну ей в рожу. Рано или поздно ее блядская сущность проявляется в полной мере, и не надо со мной спорить, уж я-то ее знаю. Достаточно на нее насмотрелся. И мы обязательно с ней еще встретимся. У нас свои счеты. Я ее тоже достал. Ну и пошла она.

Но я еще не все рассказал. Через три дня в глав-

ный алтарь попал настоящий артиллерийский снаряд, раздался взрыв. Сновавшие по госпиталю англичане запаниковали. Я же сразу понял, что волноваться особо не о чем. Изнутри церковь была оформлена достаточно красочно, увитые мальвами пилоны перекликались с желтыми и зелеными витражами, создавая ощущение праздника. Мы посасывали лимонад из рожка. Так что атмосфера была вполне подходящая. В самый раз для таких напитков. Потом меня посетило кошмарное видение, я увидел генерала Метюле дез Антрая[8], который восседал в вышине под самым куполом на крылатом золотом коне и, разумеется, разыскивал меня… Заметив меня, он еще раз внимательно вгляделся, не обманывает ли его зрение, после чего пошевелил губами, и его усы затрепыхались, как крылья бабочки.

— Ну что, не узнаешь меня, Метюле? — отбросив церемонии, вполголоса поинтересовался я у него.

Наконец я все же заснул, и еще больше приблизился к отчаянию, гнездившемуся, как я отчетливо ощущал, прямо между глазницами,

[8] Примечания: 8

Генерал дез Антрай — один из сквозных персонажей Селина, который присутствует также в «Путешествии на край ночи», «Банде Гиньолей» и «Феерии для другого раза».

где-то в глубине моего черепа, сразу за мыслями и не смолкавшим ни на секунду шумом, о котором я уже устал говорить.

Судя по всему, нас перевезли на вокзал и разместили в поезде. Это был вагон. Там все еще ощущался аромат свежего навоза. Мы едва тащились. Теперь мы направлялись туда, откуда еще совсем недавно прибыли на фронт. Всего один, два, три, четыре месяца назад. Мой вагон был полностью забит расставленными в два ряда носилками. Я лежал возле дверей. Пахло еще чем-то, я сразу почувствовал хорошо знакомый мне запах смерти и карболки. Из полевого госпиталя нас, похоже, пришлось экстренно эвакуировать.

— Эй… Эй! — пробормотал я сразу же, как пришел в себя, выглядело это по-дурацки, но так там все делали.

Поначалу мне никто не ответил. Ехали мы, прямо скажем, не спеша. На третий раз я услышал, как вдалеке кто-то откликнулся:

— Эй! Эй! — раненые только так между собой и общались. Это восклицание легче всего было выговорить.

— Чух! Чух!.. — а это уже паровоз вдалеке поднимался на склон. Грохот в ухе больше не сбивал меня с толку. Процессия притормозила на берегу

залитой лунным светом реки, а потом, снова покачиваясь, двинулась дальше. Все, как во время пешей прогулки, короче. Помню, я так когда-то гулял по Перону. Интересно было бы узнать, кто еще едет в этом поезде, чьи солдаты, французы, англичане или, может быть, бельгийцы.

С «эй, эй!» тебя везде поймут, с них я снова и начал.

Никто не ответил. Разве что все стонавшие замолкли. Кроме одного, который все твердил, и, похоже, с акцентом, про деву Марию, да еще периодически неподалеку от меня раздавалось буа-буа, определенно какого-то чудика выворачивало наизнанку. Уж эти звуки ни с чем не спутаешь. А за два месяца я изучил практически все шумы, какие только способны порождать неодушевленные предметы и люди. Следующие два часа мы неподвижно простояли на насыпи, изнывая от холода. Только чух-чух локомотива. И еще корова на лугу напротив издавала му-му, у нее получалось гораздо громче, чем у меня. Я ей ответил, чтобы потренироваться. Должно быть, она проголодалась. В ответ послышалось слабое брум-брум… Колеса, куски мяса, обрывки мыслей смешались в одну кучу и громыхали у меня в голове. И тут моему терпению пришел конец. Я

решил, что с меня хватит. Опустил одну ногу на пол. Вроде удалось. Повернулся набок. И даже сел. Посмотрел назад, вперед, весь вагон был заполнен тенями. Я пригляделся. Это были тела, неподвижно застывшие на койках под одеялами. Сами койки стояли в два ряда. Я снова выдавил из себя:

— Эй, эй.

Ответа не последовало. Мне удалось удержаться на ногах, ненадолго, но достаточно, чтобы доковылять до дверей. Здоровой рукой я приоткрыл их пошире. И уселся на краю в темноте. Невозможно было избавиться от ощущения, что, направляясь на войну, мы совершили восхождение вверх, а теперь потихоньку катимся обратно вниз. Лошадей в вагоне тоже больше нет. В это время года всегда бывает жутко холодно, но я буквально изнывал от жажды и духоты, как в самые жаркие летние дни, а потом я еще и кое-что увидел. Сначала среди преследовавших меня шумов послышались чьи-то голоса в темноте, и вслед за ними предо мной предстали пешие колонны, шествовавшие по полям в двух метрах над землей. Теперь настал их черед. Все они шли на войну и двигались по восходящей. Тогда как я с нее возвращался. Я бы не назвал наш вагон особо

вместительным, но внутри него, думаю, находилось около пятнадцати жмуриков. В остальных наверняка было не меньше. Издалека все еще доносилось что-то похожее на артиллерийскую канонаду. Чухх! Чухх! Небольшому локомотиву тащить такой груз было нелегко. Мы ехали назад. Я же один из них, вдруг подумал я, и тоже запросто мог бы быть покойником, что в каком-то смысле было бы даже неплохо, по крайней мере, я не чувствовал бы такую боль и избавился бы от шума в голове. И тут у меня перед глазами высветилось лицо трупешника, лежавшего в глубине на койке справа, а затем и лица остальных, наш вагон внезапно остановился прямо под газовым фонарем. И стоило мне их увидеть, как я снова заговорил.

— Эй, эй! — обратился я к ним.

А затем поезд тронулся и углубился в сельскую местность, луга вокруг были покрыты настолько густым слоем грязи, что я сказал себе: Фердинанд, здесь ты будешь чувствовать себя как дома.

И я пошел по нему. Отправился, обратите внимание, прямиком по этому липкому покрывалу. Я двигался бесшумно, как тень. Теперь-то я точно стал дезертиром, можно не сомневаться. Было очень мокро, но я все равно сел. Впереди пока-

зались высокие крепостные стены, окружавшие город, настоящий бастион. Это был крупный северный город, судя по всему. На подступах к нему я и уселся. Наконец-то я больше не одинок, какое облегчение. Мое лицо расплывается в лукавой улыбке. Меня окружают Керсюзон, Керамплек, Гаргадер и крепыш Ле Кам[9], мы снова собрались в тесном кругу, так сказать. Правда теперь у них закрыты глаза. Это их упрек мне. А вообще-то они пришли со мной повидаться. Мы ведь не расставались почти четыре года! Тем не менее я им никогда ничего не рассказывал. У Гаргадера на лбу красовалась кровоточащая рана. Из-за чего туман вокруг него окрасился в красный цвет. Я даже не удержался и сказал ему об этом. У Керсюзона отсутствовала рука, но уши-то остались при нем и довольно большие, так что со слухом у него было все в порядке. А черепушка крепыша Ле Кама была продырявлена, и через его глаза было видно все, как сквозь очки. Забавно. Керамплек отрастил бороду, и волосы у него стали длинными, как у дамы, он сохранил свою каску и чистил себе ногти кончиком штыка. Ему тоже не терпе-

[9] Примечания: 9

Керсюзон, Керамплек, Гаргадер, Ле Кам — убитые в бою кавалеристы, товарищи Фердинанда. Некоторые из них присутствуют также в «Бойне» и «Путешествии на край ночи».

лось меня послушать. Он тащил за собой по земле растянувшиеся вдоль местных полей кишки. Мне нужно с ними объясниться, иначе они меня сдадут. Война, как я уже сказал, продолжалась на севере. А вовсе не здесь. Но они молчали.

Король Крогольд[10] вернулся к себе. Отголоски пушечных выстрелов, как я тоже уже говорил, все еще доносились до нас. Хоть я и сомневался, что действительно их слышу. Возможно, мне просто мерещилось. Мы затягиваем хором. Король Крогольд вернулся к себе! Все вместе и ужасно фальшивя. Я плюю красным в окровавленную рожу Керсюзона. И тут меня осенило. Это же здорово. Мы находимся рядом с Христианией. Как я раньше не догадался. Тибо и Жоад[11] уже в пути и идут на юг, то есть направляются к нам. Прикид у них еще тот, сплошные лохмотья. И шли они не откуда-то, а из Христиании, а заодно и грабили всех, наверное. Вы подцепите лихорадку, чертовы ублюдки! Вот что я проорал. Керсюзон и осталь-

---

[10] Примечания: 10

Намек на «Волю Короля Крогольда». До самого последнего времени были известны только фрагменты из этого произведения, которые Селин вставил в «Смерть в кредит». Его полная версия считалась утраченной и была обнаружена летом 2021 года вместе с рукописями «Войны» и «Лондона».

[11] Примечания: 11

Тибо и Жоад — персонажи «Воли Короля Крогольда».

ные не осмелились мне возразить. Даже после того, что случилось, я все еще оставался их бригадиром. И это мне решать, нужно дезертировать или нет. Необходимо все тщательно взвесить.

— А ну-ка расскажи нам, — обратился я к Ивону Гаргадеру, который был из этих краев. — Ведь это Тибо убил его, папашу Морвана, отца Жоада, ты же знаешь, что это был он. Говори, не стесняйся. Выкладывай все начистоту, детали тоже важны. Он же не саблей или кинжалом его прикончил, и не веревкой придушил? Не так ли? Он размозжил ему башку здоровенным булыжником.

— Да, это правда, — ответил Гаргадер, — именно так все и было.

Папаша Морван одолжил ему немного денег, чтобы он угомонился и не морочил его сыну голову, отстал от того и позволил ему спокойно провести остаток дней рядом с ним в Тердигонде в Вандее, а там они не знали забот, как мы когда-то в Романше в Сомме, где был расквартирован наш 22-ой полк до войны. Как-то отец Жоада устроил званый вечер, все гости, представители высшего общества, богатеи и члены парламента ужрались до усрачки. Отец Морван тоже не отставал и перебрал так, что едва сдерживался, чтобы не блевануть. Он отошел от стола и свесился из окна.

На улочке внизу было абсолютно пусто. Ну, если не считать маленького котенка возле увесистого булыжника. А Тибо как раз выходил из-за угла.

— Твой приятель не придет. Ему заплатили, и он должен был нас развлекать игрой на своем инструменте. Он даже взял у меня в качестве аванса двадцать экю… Тибо вор, я всегда это говорил.

Именно это Тибо и услышал, он схватил тяжелый булыжник и нанес смертельный удар, угодив папаше Морвану прямо в висок. Жесть, конечно. Но в конце концов с ним просто поквитались за нанесенное оскорбление. И его душа отлетела, как звук после первого удара тяжелого колокола улетает ввысь.

Тибо смешался с толпой в доме. Старосту похоронили через три дня. Мамаша Морван была вне себя от горя и ни о чем не догадывалась. Тибо как друга семьи поселили в комнате покойника.

И они с Жоадом отправились в загул по тавернам. Вскоре, правда, им обоим это наскучило. Жоад мог думать только о своей далекой возлюбленной, дочери короля Крогольда, принцессе Ванде, из верхнего Моранда на севере Христиании. А Тибо мечтал о приключениях, ради которых он готов был отказаться даже от преимуществ жизни в состоятельном семействе. Он и

убил-то, по сути, ни за что, а ради забавы. И вот они оба уехали. Мы видим, как они пересекают Бретань, как когда-то Гаргадер, навсегда покинувший Тердигонд в Вандее, а потом и Керамплек.

— Ну что, — обратился я к трем моим придуркам, — интересную историю я вам рассказал?..

Сначала они ничего не ответили, и только через какое-то время ко мне приблизился Камбелек, хотя именно от него я такого ждал меньше всего. Физиономия у него была раскроена надвое, и на месте нижней челюсти болтались малоаппетитные лохмотья.

— Бригадир, — сказал он мне, обеими руками придерживая челюсть и помогая себе говорить… — Мы больше не хотим это слушать, подобные рассказы нам не по душе…

* * *

Даже странно, что у меня окончательно не поехала крыша. После того, через что мне пришлось пройти, а я ведь выпал из вагона и провалялся там внизу на лугу двое суток прежде, чем меня подобрали. Не надо было мне, конечно, страдать херней. В результате меня поместили в больничку. Сначала, правда, долго не могли решить, в какую. Необходимо было определиться, бельгиец

я или англичанин, да и француза нельзя было исключить, мундир на мне превратился в труху, вот они и гадали по дороге. Я мог оказаться и немцем, тоже вариант. К тому же в Пердю-сюр-ла-Лис имелись полевые госпитали на любой вкус. Городок это небольшой, но расположен так, что сюда стекались раненые со всех фронтов. Мне на пузо нацепили бирки, и в итоге я очутился в Деве Марии Заступнице на улице Труа Капусин, где помимо монахинь всем заправляли еще и светские барышни. Позже я убедился, что вовсе не обязательно было ехать именно сюда. Меня уже порядком достала эта возня с выбором окончательного направления, сколько можно толочь воду в ступе, пора было уже меня куда-нибудь привезти. Но высказать все, что я об этом думаю, я не мог. Два дня и две ночи на свежем воздухе в траве, ясное дело, меня еще больше закалили, чувствовал я себя просто охренительно. Лежа на носилках, я изо всех сил скосил глаза в сторону, чтобы получше разглядеть сопровождавших меня в город болванов: это были убеленные сединой санитары. Что касается боли, шума, свиста и прочего тарарама, то все они вернулись ко мне так же внезапно, как и сознание, но я не жаловался. Хотя, пожалуй, и предпочел бы оставаться в глу-

бочайшей отключке, когда я почти что умер, без всей этой хрени в виде боли, [музыки] и мыслей. К тому же теперь в случае, если со мной заговорят, мне наверняка придется ответить. Отвертеться не удастся, хотя во рту у меня еще и было полно кровищи, а из левого уха торчала огромная затычка из ваты. Можно было бы втюхать им какую-нибудь легенду, но ее стоило тщательно обдумать и на холодную голову, а не трясясь от холода, как я сейчас. Так-то я жутко замерз, и башка у меня стала холодной, как у покойника. Условия, в которых я находился, все еще были далеки от идеальных. В город меня ввезли через ворота, с соблюдением множества предосторожностей, по настоящему подвесному мосту. Вокруг было полно офицеров, даже генерал промелькнул, бистро, парикмахерских, англичан тоже до фига, и все в хаки. Лошади, которых вели на водопой, навеяли на меня тысячу воспоминаний. Они словно сошли с пасторальной открытки. Сколько уже месяцев прошло с тех пор, как мы уехали? Такое впечатление, что мы оказались в другой вселенной, как будто упали с луны…

На новом месте нужно было держать ухо востро. Стать еще более убогим и жалким, чем я был тогда, казалось бы, уже невозможно, однако не

стоит обольщаться, останься в итоге от меня хоть крошечный обрывок мысли, кусок окровавленного мяса, одно громыхающее ухо или втоптанная в грязь голова, они все равно от меня не отстанут, скотам в человеческом обличий и этого будет недостаточно, и они продолжат меня доставать, причем даже хуже, чем раньше.

— Итак, Фердинанд, — сказал я, — ты вовремя не сдох, поэтому готовься к худшему, жалкий трус, блядское ничтожество, ничего хорошего, безмозглый тупица, тебя не ждет.

И я не сильно ошибся. Никого не хочу обидеть, но во всем, что касается интуиции, со мной мало кто сравнится. Правде в лицо я тоже не боюсь смотреть, а того, что происходило в Пердю-сюрла-Лис, с лихвой хватило бы для подрыва боевого духа целой группы войск, как минимум. Можете не сомневаться. Я ничего не преувеличиваю. Сами увидите. В подобной ситуации каждый сам за себя. Если не верить, что тебе повезет, легко впасть в отчаяние. Рассчитывать больше не на что, и ты цепляешься за слабый лучик надежды в конце погруженного во враждебную тьму тоннеля. Ничего другого тебе просто не остается.

— Проходите же. Не задерживайтесь.

Вот мы и на месте. Санитары заносят меня в

подвал дома.

— Он в коме! — объявляет чрезвычайно бойкая бабенка бальзаковского возраста. — Кладите его здесь, а там посмотрим…

Услышав эти указания, я начинаю громко шмыгать носом. Мне бы очень не хотелось, чтобы меня засунули в один из ящиков. А ящики на треногах сразу бросились мне в глаза. Бойкая дамочка внезапно возвращается.

— Я же вам сказала, он в коме! — Но ее беспокоит еще кое-что: — У него хотя бы пустой мочевой пузырь?

Хотя я и плохо соображал, но ее вопрос показался мне странным. Парням, несшим меня, точно было ничего неизвестно о моем мочевом пузыре.

Мне, кстати, как раз захотелось помочиться. Терпеть я не стал, и все сразу потекло на койку, а оттуда на кафельный пол. Тетка это замечает. И внезапно расстегивает мне штаны. Начинает ощупывать мой член. Парни ушли за очередным доходягой. И бабенция решила вплотную заняться моими штанами. Вы не поверите, но у меня случился стояк. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня приняли за бесчувственного мертвеца и упаковали в ящик, но все равно лучше бы у меня так явно не вставал, я бы предпочел оставаться

в рамках приличий. Куда там, эта стерва так основательно меня ощупала, что я окончательно ожил. И приоткрыл один глаз. Комната с белыми занавесками, на полу — кафель. И тут справа и слева от себя я замечаю накрытые плотными простынями койки. Так и есть. Мое чутье меня не обмануло. А там еще на треноги ставят новые гробы. Сложно было обмануться.

— Соберись, Фердинанд, ты здорово влип. Не обмануться тут недостаточно, нужно еще самому обмануть всех.

Похоже, я приглянулся этой сучке, не иначе. Так-то она была совсем не уродина. И вцепилась в мой болт мертвой хваткой. А я все еще не решил для себя: нужно мне улыбаться или и так сойдет? Оказать ей какие-нибудь знаки внимания или притвориться, что без сознания? Я по-прежнему был ни в чем не уверен, короче. Лучше, наверное, не рисковать. И я снова затягиваю старую песню:

— Я хочу попасть в Мореанд!.. — декламирую я в такт толчкам… — К Королю Крогольду… Я собираюсь в крестовый поход…

Внезапно малышка ускоряется, устраивает мне прямо жесткую дрочку, от моего бреда, судя по всему, она окончательно раскрепостилась, хорошо бы еще рука так не болела, а то она трясется

у меня, как у лягушки. Я испускаю сдавленный крик и сразу кончаю, прямо ей в руки, глаза при этом я больше не открываю, я просто брежу, вот и все. Она вытирает меня ватой. Входят еще какие-то барышни. Я на них пялюсь. Все такие чопорные. А моя мадам, я слышу, им говорит:

— Этого раненого необходимо зондировать, приступайте, мадмуазель Котидон, заодно и научитесь, у него, похоже, что-то с мочевым пузырем… Доктор Мекоций перед отъездом настоятельно рекомендовал это делать… «Не забывайте зондировать раненых, у которых проблемы с мочеиспусканием… Не забывайте о зондировании…»

Меня поднимают на второй этаж, естественно, чтобы зондировать. Я немного успокаиваюсь. На втором этаже хотя бы гробов нет. Только разделенные ширмами койки.

Сразу четыре дамы принимаются меня раздевать. Сначала меня с головы до ног смочили водой, потому что все мое тело, от волос до носков, было облеплено лохмотьями. Кожа ботинок и вовсе намертво приросла к ступням. Так что это достаточно болезненная процедура. У меня на руке копошатся опарыши, я не только их чувствую, но и вижу, как они шевелятся. Внезапно

бедняжке Котидон становится плохо. Зато моя баловница продолжает работу. Она не такая уж и уродина, и дрочит что надо, зубы, правда, какие-то зеленоватые и торчат, гнилых тоже довольно много. Но это мелочи. Атмосфера здесь вполне приемлемая, я смотрю, все о тебе заботятся. Теперь я открыл оба глаза и уставился в потолок.

— Смерть изменнику Гвендору, смерть предавшим нас немцам… Смерть захватчикам многострадальной Бельгии.

Я разошелся на полную катушку. Они ко мне приглядываются, и я решаю подстраховаться… Их по-прежнему четверо.

— Он все еще бредит, бедняжка. Принесите мне все необходимое. Я прозондирую его сама, — восклицает мастерица-рукодельница.

И они оставляют меня наедине с этой телкой. А дальше все, как намечено, так и было исполнено. На сей раз она взялась за дело всерьез и начала методично выскребать мой член изнутри. Тут уже мне стало не до шуток. И не до стояков. Я едва сдерживался, чтобы не заорать. Затем она меня перевязала, наложила повязку на голову, ухо и руку, дала попить из ложечки и оставила в покое.

— Теперь отдыхайте, — сказала мне главная

специалистка по членам, — вскоре к вам зайдет капитан Буази Жусс из нашей администрации, он хочет задать вам несколько вопросов. Если, конечно, вы будете в состоянии на них отвечать, ну а вечером вас осмотрит доктор Меконий…

Вот и будущее нарисовалось. Неясно только, «буду ли я в состоянии», как она верно заметила. Я понятия не имел, кто такой этот Буази Жусс. Но догадаться было несложно, они ведь уже почти десять дней пребывали в полном неведении. Документов у меня не было. На мне тоже живого места не осталось, табло в крови, внутренности всмятку, остальное не лучше, никаких зацепок. И меня еще ужасно напрягало, что меня снова могут зондировать. Я постоянно об этом думал. За зондирование отвечала мадмуазель Л'Эспинасс, она тут была за главного. Ближе к вечеру у меня поднялась температура, и мне даже немного полегчало. Гангрены пока удалось избежать, но только пока. Запах от меня чувствовался на расстоянии. И по-прежнему оставался открытым вопрос, отправят меня обратно вниз к агонизирующим или нет. Л'Эспинасс, похоже, утратила всякий интерес и к моему зондированию, и к дрочке. Вечером доктор так и не пришел, он оказался занят. И она, проходя между кроватей,

незаметно поцеловала меня в лоб за ширмой. В ответ я с хрипом выдал ей еще один небольшой образец своего поэтического творчества… как будто испуская дух…

— Ванда, не жди больше своего жениха, Гвендор, не жди больше спасителя… Жоад, в твоем сердце нет отваги… Я вижу, как с Севера приближается Тибо… Крогольд встретит меня на севере Мореанда… и заберет с собой…

А потом я сделал буа-буа, и даже умудрился несколько раз чихнуть кровью, с силой втягивая в себя воздух, после чего она растекалась у меня вокруг носа. Осушая мне ноздри снизу компрессом, она снова меня поцеловала. В сущности, она просто делала свою работу. Я почти ничего про нее не знал, но чувствовал, что уже достаточно сильно к ней привязался, к этой чертовке. И это действительно было так.

На следующий день доктор Меконий, стоило ему меня увидеть, сходу бросился меня ощупывать. Ему не терпелось побыстрее меня прооперировать, сегодня же вечером, как он сразу заявил. Но Л'Эспинасс считала, что я еще слишком истощен. Это, думаю, меня и спасло. Он намеревался, если я правильно понял, извлечь застрявшую в глубине моего уха пулю. Не соглас-

на была только она. А я тогда с первого взгляда на Мекония понял, что, если такой полезет мне в черепушку, мне наступит трындец. Когда же он ушел, все клуши вокруг Л'Эспинасс тут же стали наперебой выражать поддержку ее принципиальной позиции относительно меня. «Меконий, он же просто врач, а не хирург, и если уж ему так приспичило потренироваться, то есть и более легкие случаи. Война же еще не кончается… времени у него будет достаточно, мог бы, например, попробовать вправить кость руки, которая также сломана, но голова, для него это чересчур сложно… нашел, с чего начать». К тому же сперва меня поместили в каморку внизу в подвале, и я до сих пор так и не отошел до конца от пережитого там шока, меня все еще буквально трясло от ужаса. Не побывай я в том закутке с двумя гробами на треногах, возможно, я бы сейчас так не упрямился и смирился со своей участью, но то, что я там увидел, особенно эти ящики, заставляло меня сопротивляться с удвоенной силой. Не говоря уже об отвратительном запахе разлагающейся мертвечины, которым там все пропиталось. Да даже если бы Меконий и не прикончил меня своей операцией, после нее головокружения у меня бы наверняка только усилились, как и грохот поезда

и раскаты грома у меня в голове, он бы просто придал им дополнительный импульс изнутри. Поэтому я так громко и бредил, чтобы от меня отвязались и не подвергали этой пытке. И меня можно понять, я ведь совершенно ему не доверял. Достаточно было на него посмотреть. Начнем с того, что он постоянно носил очки, а вдобавок зачем-то еще и лорнет, лица у него вообще не было видно из-за бороды, мундир ему был явно тесен, причем до такой степени, что он не мог толком расставить локти в стороны, кисти рук заросли волосами до самых ногтей, обмотки на ногах вечно свисали и болтались сзади возле каблуков. Более опустившегося неряшливого типа, чем Меконий, трудно себе представить. Решение между тем пока не было принято, он украдкой поглядывал на меня по утрам во время обхода, а я продолжал мучиться от неопределенности, и тут еще как-то утром Л'Эспинасс как бы между делом попыталась выведать у меня мой личный номер. Я назвал ей случайный набор цифр. Просто чтобы отвязалась. Я уже давно решил для себя, что буду делать все, чтобы меня идентифицировали как можно позже. А на следующий день я еще и оттянулся, нюхнув эфира. Неприятных ощущений мне хватало, я только и делал, что мучился, но на

сей раз Л'Эспинасс меня угостила, крепко удерживая двумя руками перед моим носом трубку с респиратором. Сил у нее было достаточно.

Ну и, разумеется, я приторчал. Клянусь, они его столько в меня закачали, что я прям-таки присосался к этой маске для бреда, даже что-то похожее на счастье почувствовал. А я совершенно не ожидал, что у меня от эфира в черепушке так заштормит. Я полностью погрузился в какофонию, словно очутился в сердце локомотива, ничего подобного я еще никогда не слышал. Вот только я прекрасно понимал, что вся эта свистопляска подпитывается исключительно биением моего собственного сердца. И это не могло меня не беспокоить. У тебя же такое замечательное сердце, Фердинанд, в нем столько отваги, попытался я себя урезонить… Ты не должен им злоупотреблять… Это низко, подло, так нельзя… Ты пользуешься…

Внезапно мне захотелось вынырнуть на поверхность этого тарарама и навешать Л'Эспинасс пиздюлей… Но сучка вцепилась в меня и маску, хватка у нее была бульдожья, не как у дам, как говорится, умру, но не отдам… От такой фиг куда всплывешь… Я извивался в ее руках, как уж, колотился башкой… Голова болталась то туда, то сюда… Бум — глазами, бам — ухом… Я почти

выплыл… Красное… нет… белое… Но эта шлюха опять со мной справлялась.

Ладно. А теперь я хотел бы перейти к своему пробуждению… Я услышал, не поверите, свои же собственные вопли…

— Малютка! Моя малютка!.. — и так все громче и громче.

Вот что я нашел в ином измерении. Я возвращался из долбаного небытия вместе с малюткой! Однако никакой малютки у меня не было. Никогда, хочу подчеркнуть, в моей блядской жизни у меня не было никаких малюток. Так выплескивалась переполнявшая меня нежность, и мне это сразу не понравилось [стоило мне себя услышать]. Первым, что я увидел, стали цветы и ширма, а потом я ощутил во рту горечь и начал блевать желчью, ее следы остались повсюду, особенно на подушке. Меня всего скрючило. Рука того и гляди оторвется. Держат меня уже мужики, причем минимум вчетвером. А я продолжаю блевать. И тут я сначала натыкаюсь взглядом на свою мать, затем на отца, а чуть поодаль за ними стоит Л'Эспинасс. Они расплываются и покачиваются, как в глубине аквариума, но в конце концов все стабилизируется, и я отчетливо слышу голос своей матери:

— Послушай меня, Фердинанд, тебе нужно успокоиться, мой мальчик…

Она едва сдерживала слезы, и я сразу замечаю, как ей тяжело видеть меня в таком состоянии. И хотя я все еще не пришел до конца в себя, стоящего чуть поодаль отца я тоже узнаю. На нем белый галстук и костюм, официальный визит как-никак.

— Руку вам полностью выправили, Фердинанд, — говорит мне Л'Эспинасс, — доктор Меконий остался чрезвычайно доволен результатом операции.

— О, мы вам очень признательны, — не дает ей закончить моя мать. — Наш сын, поверьте, тоже будет ему весьма благодарен, как и вам, мадмуазель, за внимание и заботу, какими он здесь окружен.

У них с собой, кстати, припасены еще и подарки, которые они взяли у себя в магазине и привезли из Парижа в качестве дополнительного жертвоприношения. И наша признательность тут же была ими подкреплена. Судя по выражению лица стоявшей у меня в ногах матери, она все еще не отошла от шока, в какой ее повергли мои ругательства, блевотина и дерьмо, что касается моего отца, то он тоже находил, что мне не

стоило так опускаться.

В моем кармане все же нашли воинское удостоверение, поэтому их и оповестили. Мысль об этом, подобно не растаявшей до конца льдинке, продолжала свербить у меня в мозгу.

И это было совсем не смешно. Они просидели так уже два или три часа, наблюдая, как я прихожу в себя. Необходимо было прояснить ситуацию, и мне пришлось напрячься изо всех оставшихся у меня сил, чтобы наконец их выслушать. Моя мать снова со мной заговорила. Этого требовал ее материнский долг. Я не ответил. Я по-прежнему с трудом сдерживал отвращение, которое она у меня вызывала. С удовольствием бы ей как следует вмазал, если уж на то пошло. Причин для этого у меня была тысяча, а может, и больше, какие-то, наверное, я еще даже не успел до конца осознать, но все они подпитывали мою ненависть. Я едва не лопался от переполнявших меня причин. А он пока в основном помалкивал. Решил не лезть на рожон, короче. Просто таращил глазки, как жареный карась. Это же была война, о которой он всегда предупреждал, поэтому мы и здесь. Они приехали из Парижа специально, чтобы меня повидать. Им пришлось обратиться за разрешением в комиссариат в Сен-Гае. Тут они сразу же

переключились на свой магазин[12], где дела шли хуже некуда, что также прибавило им проблем. Из-за шума в ухе я слышал далеко не все, что они говорили, но мне и этого хватило. Никакого сочувствия я к ним не испытывал. Я еще раз на них взглянул. У изножья своей кровати я видел двух потрепанных жизнью несчастных людей, и все равно сознание у них так и осталось младенчески незамутненным.

— Черт, — произнес я в итоге, — мне нечего вам сказать, можете валить…

— О! Фердинанд, — воскликнула в ответ моя мать — ты опять за свое. Мог бы уже и угомониться. Свое ты уже отвоевал. Ты, конечно же, ранен, но жив и вскоре непременно пойдешь на поправку. Война рано или поздно закончится. Ты найдешь себе хорошее место. И если возьмешься наконец за ум, твоя жизнь обязательно наладится. Твоему здоровью, по сути, уже ничего не угрожает, твои родители тоже еще бодры и полны сил. Ты же знаешь, мы никогда не позволяли себе ничего лишнего… Дома ты всегда был окружен заботой… Здешние дамы за тобой

---

[12] Примечания: 12

Имеется в виду магазин антиквариата в пассаже Березина в Париже, принадлежавший матери Фердинанда, который упоминается также в романе «Смерть в кредит».

ухаживают… По дороге сюда мы встретили твоего лечащего доктора… Он отзывается о тебе с большой теплотой…

Я окончательно заткнулся. Никогда в жизни я еще не видел и не слышал ничего более отвратного, чем мои отец и мать. Я решил сделать вид, что заснул. И они, причитая, отправились на вокзал…

— Он бредит, вы знаете, он постоянно бредит, — пыталась оправдать меня Л'Эспинасс, провожая их, чтобы они не расстраивались.

Ее слова доносились до меня из коридора.

Но так просто, разумеется, это закончиться не могло. Беда никогда не приходит одна. И часа не прошло, как заявляется наша маркитантка мадам Оним собственной персоной. Она тоже останавливается у изножья моей кровати и что-то бормочет. Меня все еще лихорадит. На ней шляпка с птичкой и вуалькой, боа и меха. Шик. Она так огорчена, что подносит к лицу носовой платочек, но я сразу все понял по ее глазам. Я-то ее знал. Она собирается меня обо всем расспросить. Поэтому она и нагнетала обстановку. Но сумеет ли она хоть что-то понять? Это первое, что пришло мне в голову. Я и сам уже почти ни о чем не вспоминал, только иногда. Нет таких слов,

какими можно было бы передать смысл нашего рейда, и то, как он завершился. Подобные вещи нужно чувствовать. А эта шлюха Оним вообще была не способна на какие-либо чувства.

— Он погиб, — сухо бросил я. — Он умер героем! И больше мне нечего сказать.

Тут она грохнулась на колени.

— О! Фердинанд, — воскликнула она. — О! Фердинанд.

Она попыталась подняться, шагнула и снова упала на колени. Наконец она зарылась лицом в мои одеяла и начала рыдать. Никогда не был поклонником такого жанра. Это не мое. И вот она продолжает обливаться слезами. А мамзель Л'Эспинасс находилась неподалеку, сидела за ширмами, где наверняка все слышно. И поэтому сразу же оттуда выскочила.

— Не следует слишком утомлять раненых, мадам, доктор это запрещает. Посещение окончено…

И тут мадам Оним одним махом выпрямляется во весь рост, все еще смущенная, но воспрявшая духом.

— Фердинанд, — обращается она ко мне нарочито громко, чтобы все ее слышали, — вы не забыли, что оставили мне в расположении части распис-

ку о вашем долге в триста двадцать два франка?.. Когда вы намереваетесь мне их выплатить?

— Не знаю, мадам… Здесь мне ничего не платят…

— Ах, вам ничего не платят! Хорошо, в таком случае я напишу вашим родителям. Однако, насколько я помню, это вы давали мне слово чести, что рассчитаетесь по всем долгам в войсковой лавке…

Ей явно хочется унизить меня в глазах Л'Эспинасс, поэтому она и вошла в раж. А в довершение всего она добавляет:

— Кажется, по пути сюда я встретила ваших родителей. Может быть, я еще застану их на вокзале.

После чего ее как будто ветром сдуло, настолько стремительно она кинулась прочь и исчезла за дверью, ведущей на лестницу. Я считаю до ста, потом до двухсот. Где-то через четверть часа возвращается мой отец… запыхавшийся, вне себя.

— Ну почему, Фердинанд, почему ты нам сам сразу об этом не сказал, разве так можно, только этого нам еще и не хватало. Маркитантка требует с нас долг прямо на перроне. Сумму, что ты остался ей должен после отъезда из части. А мы и так всю жизнь едва сводим концы с концами,

но делали все, чтобы ты ни в чем себе не отказывал, чего бы нам самим это ни стоило, и тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было! А ты заставляешь нас так унижаться. Да еще целых триста франков… по нынешним временам нам опять придется залезть в долги и, думаю, это окончательно нас обескровит, твоя мать вынуждена будет снова заложить свои серьги. Я обещал возместить твой долг в течение восьми дней, я же человек чести! Но о чем ты думал Фердинанд, ведь идет война, и тебе об этом прекрасно известно? Наш бизнес находится на грани краха, и уж ты-то должен бы был понимать, как нам тяжело… Я даже не знаю, удастся ли мне сохранить место в Ла Коксинель[13].

У него на глазах проступили слезы… Но тут опять вмешалась Л'Эспинасс и сказала, что мне необходимо отдохнуть. Он сразу стал извиняться и ушел, продолжая что-то бормотать себе под нос. Наверняка они снова все встретились на вокзале. Было уже довольно поздно.

Этим же вечером где-то в районе одиннадцати Л'Эспинасс еще раз заглянула ко мне, чтобы предупредить, что завтра меня собираются перевести

---

[13] Примечания: 13

Ла Коксинель — название страховой компании, где работал отец Фердинанда, которое упоминается также и в романе «Смерть в кредит».

в общую палату, так как ожидается поступление новых раненых. Вчера мне объективно стало лучше, то да сё, однако зондирование, по ее мнению, мне бы все равно не помешало. Протестовать я не стал, предпочел промолчать и не поднимать шум. Все достоинства этой полезной для здоровья процедуры мне были отлично известны, она брала самую большую из имеющихся трубку и использовала ее в качестве зонда. А заодно и как скребок. Но пока этим занималась со мной только она одна. И инстинкт мне подсказывал, что сейчас от ее услуг отказываться не стоит, чтобы не подвергать себя еще большему риску. Меньше всего мне хотелось, чтобы мне прописали еще и нечто аналогичное, только сзади. А этот процесс длится добрых десять минут. Обычно я не склонен к сантиментам, но в тот раз я реально плакал.

Ладно. На следующее утро меня перевезли в палату Сен-Гонзеф. Я очутился на койке между Бебером и зуавом по имени Оскар. Последний запомнился мне тем, что без конца ходил под себя через зонд на протяжении всех трех недель, пока он находился рядом со мной. Он полностью был поглощен этим занятием. Его то и дело пробирал понос от дизентерии, отягощенной тяжелым ранением кишечника. Пузо у него напомина-

ло чан с конфитюром. Когда брожение в нем усиливалось, все выплескивалось через зонд и стекало под шконку. После чего, по его словам, он испытывал облегчение. Он постоянно лыбился. Все время рот до ушей. И любил повторять, что смех ему помогает, и он уже без него не может. В итоге он так с хлебалом до ушей и откинулся, расплывшись в последней улыбке.

И совсем другим был лежавший справа Бебер. Как и я, он призвался из Парижа, только жил на Порт Брансьон неподалеку от 70-го бастиона. Он сразу же со мной всем поделился. А когда я рассказал ему про себя, он искренне мне посочувствовал.

— А я вот сделал свой выбор, — заявил он. — Мне всего девятнадцать с половиной, но я женат, и свою личную жизнь я устроил.

Такого я услышать не ожидал, но он меня просто очаровал. Я думал, что уже достаточно научился выпутываться из сложных жизненных ситуаций, но до него в этом плане мне определенно было еще далеко. Что касается его ранения, то он поступил сюда со ступней, пуля попала в большой палец левой ноги.

Про Л'Эспинасс он тоже уже все понял, причем давно.

— Баб вроде нее я вижу насквозь, ты даже не представляешь, на что такая способна.

Бебер вернул мне вкус жизни. Что уже было неплохо. Да и рука пошла на поправку после того, как меня прооперировал Меконий. Теперь я дрочил левой, тряс ее в качестве тренировки.

Однако стоило мне попытаться встать, как меня самого начинало так трясти, что я едва удерживался на ногах. Мне надо было садиться через каждые двадцать шагов. Ну и в ушах гудело так, что и словами не передать, прямо как на ярмарке. Настолько громко, что я даже несколько раз интересовался у Бебера, не слышно ли ему чего. Я приспособился слушать его, не отвлекаясь на свои шумы, но все равно каждый раз приходилось просить, чтобы он говорил громче, еще громче. В конце концов мы начинали хохотать.

— Да это у тебя старческое, — говорил он мне, — ты так же туг на ухо, как дядюшка моей благоверной, а ему уже за восемьдесят, и он военный пенсионер, ветеран ВМС.

Благоверной он называл Анжелу, свою жену, причем законную, он постоянно только о ней и говорил. Ей было восемнадцать.

Что касается остального контингента в палате, то там прямо глаза разбегались, ранения

поверхностные, проникающие, на любой вкус, большинство резервисты, а в целом сборище дебилов. Многие только прибывали и сразу же убывали: по земле или на небо. Как минимум каждый третий хрипел. Всего в палате Сен-Гонзеф нас было где-то около двадцати пяти. После десяти вечера, правда, я мог насчитать и сотню, и тогда я переворачивался в постели вниз матюгальником, чтобы заткнуться и никого не разбудить. Периодически меня все еще трясло от лихорадки. Как-то утром я поинтересовался у Бебера, не видел ли он, чтобы наша милашка Л'Эспинасс подходила к моей кровати с недвусмысленным намерением мне подрочить, когда я впадал в беспамятство. Нет, он ничего такого не заметил. Его это не интересовало. Но я-то прекрасно знал, что мне ничего не привиделось. Так что не стоит торопить события. В конце концов все приятные моменты, что я здесь пережил, были связаны с Л'Эспинасс. Нужно просто набраться терпения. С ее зеленоватыми зубами я сразу смирился, зато руки у нее потрясающие и, что немаловажно, такие пухленькие. И ляжки у нее наверняка должны быть красивыми. Так и трахнул бы ее в зад. Убеждал я себя, чтобы возбудиться. Время шло, и я почти перестал бре-

дить, даже по вечерам. Как-то, воспользовавшись тем, что горели только ночники, она подошла и отдельно пожелала мне спокойной ночи. Это было так мило… Нет, она не засунула руку мне под яйца, хотя я был бы не против. Но это уже становилось поэтичным, и я чувствовал, с каким волнением бьется сердце у меня в груди. Даже Бебер заметил…

— Если тебе так неймется, ты, конечно, можешь эту кошелку поиметь, когда она опять к тебе склонится, но смотри не проколись, иначе, попомни мои слова, поступит в барак какой-нибудь ампутант, потребуются срочные перемены, и ты станешь первым, кого отсюда выставят. Поступай как знаешь, но я тебя предупредил…

Этот мальчишка Бебер был не по годам мудр… Ладно. Прошло еще две недели. Мы никуда не выходили, о том, что происходит снаружи, не знали, однако по всем признакам там шло отступление, и линия фронта приближалась. Пушки стали слышны даже в комнатушке, где мы лежали, а ее окна выходили во двор. В воздухе кружили вражеские самолеты, регулярно появлявшиеся около полудня, не такие уж и агрессивные: три бомбы, не больше. Дамы прятались по углам, отовсюду доносились их дрожащие голоса. Но дамы

держались еще достаточно героически. Меконий так и вовсе сразу кидался прочь по лестнице. И возвращался только, когда все закончится…

— Мне кажется, что они стали прилетать чаще, — ворчал он.

Его это отвлекало от работы.

Мне постоянно приходили письма от отца, написанные каллиграфическим почерком и являющиеся образцом высокого стиля. Он призывал меня к терпению, предсказывал скорейшее наступление мира, рассказывал о своих проблемах, магазине в пассаже Березина, необъяснимой злобе соседей и дополнительных обязанностях, которые он был вынужден на себя взвалить, чтобы заменить ушедших на фронт.

«Мы заплатили твоей маркитантке, не совершай больше столь опрометчивых поступков, где бы ты ни оказался, если ты опять влезешь в долги, еще одного такого позора мы не переживем».

В то же время он не жалел слов и всячески превозносил мою храбрость. Я и представить себе не мог, что во мне вдруг обнаружится столько храбрости. Хорошо бы еще знать, что́ это, но вряд ли он понимал, о чем говорит. В общем, он мне постоянно надоедал. И хотя творившийся вокруг бардак, казалось, вот-вот окончательно меня

поглотит, словами не передать, до какой степени меня тогда плющило, послания отца все же сумели задеть меня за живое, и в первую очередь своим тоном. Даже за десять минут до смерти люди продолжают цепляться за дорогие их сердцу воспоминания. А в письмах моего отца присутствовала вся моя блядская юность, с которой я успел навечно попрощаться. Я расстался со всеми своими страхами, обидами и еще кучей всякого дерьма без малейшего сожаления, но все равно это было мое маленькое прошлое дрянного мальчишки, частью которого он все еще оставался, даже выводя на предназначенных для прочтения военной цензурой почтовых карточках свои тщательно выверенные витиеватые фразы.

А в своем тогдашнем состоянии, хотя бы прежде чем сдохнуть, я предпочел бы услышать музыку поживее, выдержанную в более подходящей моменту тональности. Хуже всего в бодяге, которую развел мой отец, было то, что музыка его фраз мне совершенно не нравилась. Будь я уже мертвецом и то бы наверняка встал, чтобы выплюнуть ему в рожу все его фразы. Свое мнение я бы и тогда не поменял. Да и сыграть в ящик не самое страшное, куда сложнее сохранить в душе поэзию до того, во всех этих мясорубках, соплях, мучениях, пред-

шествующих финальной икоте. Продержаться до преклонных лет можно, сразу скажу, разве что имея кучу бабла. Л'Эспинасс потом приходила ночью меня приласкать, и я чуть было дважды не разрыдался в ее объятиях. Едва сдержался. И это тоже на совести моего отца с его карточками. Не хочу хвастаться, но обычно я не теряю самообладания даже наедине с собой.

Однако вам без сомнения не терпится узнать, что это за городок Пердю-сюр-ла-Лис. Прошло еще недели три, не меньше, прежде чем я окончательно встал на ноги, и меня выпустили на улицу. Поводов для беспокойства у меня по-прежнему хватало, но виду я не подавал. Даже с Бебером ничем не делился. Что-то мне подсказывало, что ему было не до меня. Л'Эспинасс оставалась, по сути, единственной моей поддержкой и опорой. Меконий ни на что не влиял, а она была богата и вложилась в этот полевой госпиталь.

Каждый день нас посещал кюре. Его сюда тянуло как муху на мед, но для него тут и вправду была лафа. Исповедям конца нет, а он от них прямо тащился. Чуть не лопался от счастья. Я тоже исповедовался, и следом за мной Бебер. Естественно, я не особо откровенничал, так, поговорили о том о сем. Я же не дебил.

Куда большую опасность представлял для меня Мекоций, который так и не отказался от идеи извлечь мою пулю. Каждое утро он заглядывал мне в рот и ухо, используя оптические приборы разных размеров, и, похоже, ради достижения своей цели был готов на все.

— Придется пойти на определенный риск, Фердинанд, нам необходимо у вас это удалить… Если вы, конечно, хотите сохранить ухо… да и с головой возможны проблемы…

Приходилось прикидываться идиотом, отнекиваться, но так, чтобы не слишком его раздражать. Бебер, наблюдая за нашими препирательствами, едва не падал с койки от смеха. Мамуля Л'Эспинасс в целом была на моей стороне, но предпочитала не вмешиваться. Наша схватка с Мекомием, похоже, действовала на нее возбуждающе. По вечерам она приходила и с подчеркнуто невозмутимым видом отлично мне дрочила. В сущности, только она способна была меня здесь защитить, хотя, по мнению Бебера, особо на нее рассчитывать мне не стоило. Кто бы сомневался. Тем не менее Л'Эспинасс, по слухам, вращалась в высших кругах генштаба и могла порекомендовать мне шестимесячный курс реабилитации, обычно ей никогда не отказывали.

Однако до развязки в этой драме было еще далеко. Однажды утром я увидел, как в палату заходит генерал с четырьмя нашивками[14], а перед ним вышагивает не кто иная, как Л'Эспинасс. По выражению их физиономий я сразу понял, что надвигается беда.

Фердинанд, сказал я себе, вот враг, кровожадный и беспощадный, он явился вырвать твое сердце и забрать у тебя все… смотри, какая рожа у этого генерала, дашь ему палец, он тебе всю руку откусит, да он меня просто проглотит и не подавится, продолжал я вполголоса анализировать ситуацию сам с собой. А тут мне нет равных. В подобные мгновения я доверяю только своему инстинкту, и он еще ни разу меня не подводил. Ангелы могут завлекать меня к себе в рай, на ярмарку, к шансонеткам, в оперу, подсовывать мне изысканные десерты, музыкальные инструменты, да хоть шелковистую жопу.

Я все четко осознаю, и стою на своем до конца, Монблан проще сдвинуть с места, чем меня. Когда имеешь дело с человеческой подлостью, следует полагаться исключительно на интуицию. Шутки

---

[14] Примечания: 14

Селин называет вошедшего генералом, однако четыре нашивки в то время носили командиры эскадрона или батальона, коменданты, что соответствует званию майора.

в сторону. Необходимо взвесить все за и против. Забавно, да. Между тем этот хрен подходит к моей кровати. Присаживается и открывает свой до отказа набитый бумагами портфель. Бебер устраивается поудобнее в ожидании, как я буду выкручиваться. Л'Эспинасс мне его представляет…

— Комендант Рекюмель, военный советник 92-го армейского корпуса, пришел расспросить вас об обстоятельствах произошедшего с вами и вашим отрядом, Фердинанд. Вы же тогда попали в ловушку, помните, вы мне об этом рассказывали… После того как вражеские разведчики отследили ваше передвижение по дороге и на…

Она определенно старалась мне помочь, ну и ушлая же баба. Сходу вложила мне в руки оружие, можно сказать. А ебальник у этого Рекюмеля был не из тех, что располагают к доверительной беседе. Нет, я, конечно, насмотрелся в своей жизни на рожи вечно что-то вынюхивающих и расследующих чинуш, даже крысы озадачились бы прежде, чем в них вцепиться. Но комендант Рекюмель сразу их всех затмил. Во-первых, у него начисто отсутствовали щеки. На их месте зияли провалы, как у покойника, под натянутой покрытой щетиной тонкой просвечивающей

насквозь желтой кожей. И, само собой, там, в глубине вакуума, не было ничего, кроме злобы. Взгляд глядевших на меня со дна этой пустоты глаз был настолько пугающим, что все остальные детали невольно отходили на второй план. Жаждущий крови взгляд андалусского мавра. Волос нет, только сверкающая белизной лысина. И стоило мне его поближе рассмотреть, он даже еще и рта не успел открыть, как я снова сказал себе: Фердинанд, вот теперь ты попал, худшего и представить себе было нельзя. Ты имеешь дело с опаснейшим ублюдком, единственным и неповторимым в своем роде, всю французскую армию, наверное, пришлось прошерстить, чтобы такого отыскать, и, если ты дашь этому типу хоть малейшую зацепку, тебя расстреляют завтра же на рассвете.

Об этом постоянно нужно было помнить, слушая вопросы, которые он задавал. Он говорил по бумажке, но в целом я заметил, и это обнадеживало, что он совершенно не в теме. Буквально все было высосано из пальца. Будь у меня такая же бумажка, я бы мгновенно его опустил. Все, что он говорил, было откровенной лажей. Я видел, что он бредит, но без предварительной подготовки и бумажки мне было его так сразу не заткнуть.

Наши бойцы бы над ним уржались. И он абсолютно не врубался в то, что случилось с отрядом Ле Дрельера. Но изо всех сил раздувал щеки и изображал понимание. Вот это и было в его поведении самым тупым. Того, что произошло, умом понять невозможно, особенно если у тебя озлобленная на весь мир жалкая душонка. Ты просто чувствуешь, и потом тебя накрывает. Так что и объяснять тут нечего. Я предоставил слово малышке Л'Эспинасс, которая обладала даром много говорить и ничего не сказать, совсем как мой отец. Он не решался ее прервать. Еще бы, у нее повсюду были связи, и она на многое могла повлиять, такой палец в рот не клади. Однако этот мрачный болван явился за моей шкурой. Он прямо так и ерзал на железном стуле от нетерпения, громко стуча по нему своей костлявой задницей, как кастаньетами. Но лучше бы он засунул себе в задницу свою бумажку с инструкциями, потому что слушать его было совершенно невыносимо. Его тупость меня уже окончательно достала. Он ничего не смыслил ни в манёвренной войне, ни в [вольной] кавалерии. Отправить бы его хотя бы на время к драгунам, чтобы те его хорошенько отпиздили. Может, тогда он начнет шевелить мозгами, сделает выводы и поймет,

что к чему. Ведь в жизни главное — это уметь поймать волну, даже для убийцы.

— Вижу, капрал, вы не слишком утруждали себя чтением переданных вам приказов и даже не помните содержания ни одного из соответствующих посланий, которые, вне всякого сомнения, были вам отправлены. Одних только депеш я насчитал двенадцать. И все они отправлялись… после того, как вы покинули вокзал… вплоть до того момента, когда события стали развиваться настолько стремительно, что до конца отследить их теперь не представляется возможным, я имею в виду четыре дня, в течение которых ваш отряд в полном составе был накрыт артиллерией противника, осуществив перед этим продвижение вперед к франш-контийской ферме, расположенной в семистах метрах от реки… и все это после перегруппировки и многочисленных отклонений от маршрута, установленного вашим руководством, и вот эти отклонения, сразу хочу подчеркнуть, как раз и вызывают у меня массу вопросов, их масштаб, должен сказать, просто не укладывается у меня в голове, потому что вы тогда оказались в сорока двух километрах к северу от первоначального направления. Очень бы хотелось, чтобы вы еще раз напрягли свою память,

так как вы теперь единственный выживший после этой гротескной эпопеи… Единственный выживший, который что-то соображает точнее, поскольку кавалерист Крюменуа из 2-го эскадрона, обнаруженный возле госпиталя в Монлюке, вот уже два месяца не в состоянии произнести ни слова.

Я решил последовать примеру Крюменуа. Молчать. Слишком уж велика была разделявшая нас пропасть. Начнем с того, что он изъяснялся почти так же витиевато, как мой отец. Что само по себе уже было показательно. Бебер давился от смеха на своей койке. В какой-то момент инквизитор обернулся и окинул его грозным взглядом, но нужного эффекта не достиг. Опишу, что было дальше… Я прикидывал про себя, пока он говорил, в чем именно он собирается меня в итоге обвинить? В дезертирстве с поля боя? В оставлении поста? В чем-то более серьезном…

— Ладно, — сказал он в завершении, вставая, — я буду держать вас в курсе.

Больше я этого типа никогда не видел, но довольно часто о нем думал. Редко встретишь человека, нашедшего себе занятие по душе. Малышка Л'Эспинасс окончательно стала моей покровительницей. Все говорили, что мне повез-

ло, но в глубине души эти окровавленные, вечно стонущие доходяги с соседних коек наверняка мне завидовали. Фердинанд, сказал я себе, если этот гад на тебя настучит, тебе придется как-то выкручиваться. Позаботься об алиби, твое везение может выйти тебе боком…

Я прекрасно видел, что капрал северо-африканец, у которого недоставало одного глаза, прямо весь истекал слюной, настолько ему не терпелось оприходовать мою телку.

Прошли еще две недели. Я уже мог вставать. Слышал я только одним ухом, во втором грохотало, как в кузнице, но это уже мелочи, теперь мне хотелось поскорее отсюда выбраться. Бебер тоже собрался выписываться, у него накопилась куча неотложных дел. И вот мы с ним вдвоем решаем обратиться с просьбой к мадмуазель Л'Эспинасс! Той же ночью она снова явилась к моей постели, светит газовый ночник, а Л'Эспинасс склонилась к моему изголовью. Она дышит мне прямо в нос. Я прекрасно понимал, что решается вопрос жизни и смерти. Я набираю полную грудь воздуха. Сейчас или никогда. И впиваюсь в ее рот, в обе ее губы, раздвигаю их, всасываю в себя ее зубы и кончиком языка касаюсь десен. Ей щекотно. Но она довольна.

— Фердинанд, — шепчет она, — Фердинанд, а вы хоть немного меня любите?..

Нельзя говорить слишком громко, соседи только для виду храпели. Наверняка все поддрачивали. Из ночной темноты снаружи доносилось бум-бум, в двадцати километрах, если не ближе, постоянно бухали пушки. Для разнообразия я стал целовать ей руки. Я засунул два ее пальца себе в рот, а другую ее руку положил на свой болт. Мне хотелось привязать к себе эту шлюху. Я еще раз обсосал весь ее рот. Я готов был засунуть язык ей в дырку жопы, сделать что угодно, сожрать ее месячные, лишь бы избавиться от того типа из военного совета. Однако малышка была совсем не глупа.

— Вас, наверное, сильно напугал, Фердинанд, да? Визит коменданта… Ваши объяснения выглядели не слишком убедительно…

Я не реагирую. Просто пробормотал что-то для вида… Я прекрасно понимал, к чему она клонит. Ей нравилось, что я боюсь. Сучка реально от этого тащилась. Она терлась о мою постель. У нее был мощный фламандский зад. Стоя на коленях, она, похоже, полностью слилась со мной в экстазе и по-настоящему словила кайф. Это была молитва.

— Завтра, когда вы отправитесь на утреннюю

мессу, Фердинанд, не забудьте поблагодарить Бога за дарованное вам спасение и улучшение своего состояния. Хорошего вечера.

Все завершилось, она кончила и ушла. Калеки вокруг так и остались с разинутыми варежками. Я же чувствовал себя, как после партии в бильбоке. Двенадцать очков. Два очка. Ноль очков… Ригодон…

Следующий день прошел в ожидании. Но из военного совета опять никто не пришел. Тем временем я как бы между делом пытался побольше выведать у лежачих, которым наверняка было что вспомнить о войне.

— Ты видел уже, как кого-то расстреливали? — поинтересовался я у артиллериста, а у него как раз один осколок застрял в легких, другим же ему отсекло кончик языка.

— Ну я вил аного в Сиссоне, ани эт телали шитай три раса… Не мешно.

Не особо складно получалось.

— К шастью атжюжан, — добавил он, — вшатил ему еше три пули в рошу.

Но и этого мне хватило, чтобы оценить свои перспективы. Я сразу стал прикидывать, отправят меня в деревню и расстреляют там, или же сделают это прямо здесь, в Пердю. И то и другое

было вполне реально.

Мысли о будущем, гул в ушах и лихорадка не покидали меня всю ночь. И раз уж мне удалось найти мою малышку Л'Эспинасс… раз так, черт, сказал я себе, я не должен сдаваться, сдаваться мне нельзя… Еще два дня и три ночи. От военного совета по-прежнему никаких вестей. А мне ведь еще ничего не предъявляли в связи с полковой кассой, которую эти искатели приключений на свою задницу тогда тоже грабанули, между тем это могло бы стать самым серьезным, чтобы меня как следует прижать, для каких-нибудь особо упоротых отморозков, объявившихся в последний момент. Хотя я бы наверняка выпутался, даже вечерняя лихорадка не помешала бы мне подготовить соответствующие их уровню тупые ответы. Но пока все глухо. Я наблюдал, как за начисто вымытыми окнами восходит солнце и над поблескивающими от дождя остроугольными фламандскими крышами разливается тусклый северный свет. Все вокруг снова оживало, и мне нравилось за этим наблюдать.

Сам я все еще оставался по уши в дерьме, Мекония, который не терял надежду извлечь мою пулю прежде, чем я от него ускользну, дважды в день сменял священник, приходивший под-

готовить меня к встрече с вечностью, плюс еще этот чертов шум, от которого у меня постоянно тряслась башка, из-за чего я практически не мог спать, ну разве что урывками, в общем, это была в высшей степени насыщенная жизнь, жизнь полная мучений и пыток. И она, я знаю, уже не станет такой, как раньше, когда моя жизнь не отличалась от жизни всех этих дебилов вокруг, для которых сон и тишина — это нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда. В шесть утра обычно открывается дверь, и входит дежурная санитарка, три или четыре раза она мне попадалась на глаза, и вдруг однажды утром оттуда неожиданно въезжает муслим на каталке с развороченной выше колена гаубицей ногой.

— Хочешь повеселиться, — окликнул меня Бебер, — понаблюдай за своей телкой.

И действительно, стоило только этому овцеёбу объявиться в палате Сен-Гонзеф, как она вообще практически забыла о моем существовании. Надо было видеть, как она суетилась вокруг его кровати, порхала как бабочка над цветком, иначе не скажешь. И тут же она начала зондировать этого барана прекрасно мне знакомым зондом максимального размера. Из-за ширмы послышались стоны. До нас доносились такие рулады,

что мы прямо заслушались. А на следующий день его прооперировали, аккуратненько так оттяпали ему ногу до бедра. И после этого она, как ни странно, буквально не отходила от него ни на шаг. Дай я тебя прозондирую. Я, должен признаться, даже стал [ревновать]. Бебер надо мной просто ухохатывался. Дай я тебя еще разок прозондирую. А овцелюбу и правда было очень плохо. Его полностью окружили ширмами. И тут Бебер поделился со мной еще кое-чем. До меня даже не сразу дошло, о чем это он, но потом я просто офигел. Бебер, надо сказать, времени даром не терял. Я даже не поленился и сам сходил глянул. Меконий был не в курсе. Только мы с Бебером. И больше никто. Короче, этот араб там у себя за ширмами долго не задержался, уже через два дня ему так поплохело, что его спустили вниз в лазарет.

Наверняка за последние сутки ему отдрочили не меньше десяти раз, да еще и хорошенько его прозондировали, и не абы как, а при непосредственном участии укрывшейся за ширмой ведущей специалистки. В итоге он теперь умер, и его можно было спускать. Я мог бы поднять шум, с учетом сведений, которыми я располагал, но мне нужно было думать о собственном будущем.

А поскольку я уже вставал и доходил до противоположной стены нашей комнатушки, я решил воспользоваться моментом. Глядя малышке Л'Эспинасс прямо в глаза, я спросил:

— Можно мне сегодня после завтрака выйти в город?

— Но, Фердинанд, вы же с трудом держитесь на ногах, об этом не может быть и речи.

— Ничего страшного, — сказал я, — Бебер меня поддержит, если я потеряю равновесие.

С моей стороны это было верхом наглости. Так-то, пока не решится вопрос с советом, я вообще не должен был никуда отлучаться. За мной могли явиться в любую минуту, чтобы меня арестовать.

А в этом госпитале разрешения на выход и вовсе давались только в исключительных случаях, за особые заслуги. Отступать было некуда.

И я сказал, как отрезал…

— Я хотел бы уйти часов на пять.

Моя малышка на меня уставилась, открыв рот, и ее верхние зубы на какое-то мгновение выступили вперед и нависли над губой. Я даже испугался, что она меня укусит. Но нет.

— Ладно, Фердинанд, так и быть, идите, но только с Бебером, и постарайтесь избегать слишком

людных улиц, иначе вы обязательно нарветесь на патруль, меня отдадут под суд, а вы отправитесь прямиком в тюрьму, и не говорите потом, что я вас не предупредила.

Спасибо от меня она так и не дождалась.

— Бебер, в два часа сваливаем, но смотри, чтобы остальные доходяги не просекли, что мы собрались на променад. Сброду скажем, что ты сопровождаешь меня к специалисту, который должен осмотреть мою руку.

— Гы! — ответил он, и мы давай с ним орать, что это такой специальный спец, приехавший специально, чтобы меня осмотреть, и нам нужно отправиться к нему аж на другой конец гарнизона.

Этих раненых хуй поймешь. [Пока вроде они нам поверили и ждали продолжения пиздежа]. Ладно. В два часа мы выходим на улицу. Узенький переулок. Но холодный ветер бодрит.

— Вот и зима подходит к концу, Бебер, — сказал я ему. — Грядут перемены! Наступит весна, и шум у меня в башке станет еще сильнее! Можешь не сомневаться.

Бебер тоже всегда предпочитал соблюдать осторожность. Меньше всего ему хотелось влипнуть в какие-нибудь неприятности. На ногах у него

были тапки, и он бесшумно крался от парадной к парадной, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Вокруг было полно деревьев, растущих в садах за низкими кирпичными заборами. В небе артиллерийские снаряды вычерчивали причудливые следы на фоне таких же причудливых и тоже бледно-розовых облаков. Навстречу нам попадались одни сплошные пешедроты, форма у них была гораздо менее броская, чем у нас, не особо яркая, зато не маркая. С тех пор, как мы попали в Деву Марию Заступницу, мода успела сильно измениться. Время летит быстро. От свежего воздуха у меня слегка кружилась голова, но Бебер меня поддерживал, и я кое-как продвигался вперед. На мостовой ко мне снова вернулось блядское желание шляться по улицам. Быть живым. Я невольно вспомнил, как когда-то дни напролет сновал туда-сюда по бульвару с ювелирными украшениями для ма[газина], и как паршиво для меня все тогда закончилось. После чего мне сразу расхотелось углубляться в воспоминания, чтобы не портить себе день. Удивительно, как много у меня в прошлом было всякого дерьма.

Пердю-сюр-ле-Лис представлялся нам какой-то жуткой дырой. Наши, по крайне мере, все так

считали. Центральная площадь была окружена выточенными из камня живописными домиками, прямо как на картинке. В самом центре рынок с морковью, репой и солениями. Нарочно не придумаешь. И кругом грузовики, от которых сотрясалось все вокруг, дома, рынок, местные давалки и солдатня, каждой твари по паре от каждого рода войск, начиная с артиллерии, из-под всех арок доносилось карканье, где они кучковались по углам, разбившись на небольшие группы, руки в карманах, в желтом, зеленом, овцеёбы, даже индейцы, плюс техника, целый автомобильный парк… Все это перемещалось по кругу и тряслось [два неразборчивых слова], как в цирке. Это было сердце города, откуда во всех направлениях отправлялись снаряды, морковка и люди.

На смену им приходили другие, усталые и потрепанные, шеренги едва волочили ноги, оставляя за собой полосу грязи, по которой скакали [драгуны], облаченные в цвета площади. Мы уселись в небольшом темном кабаке, откуда было хорошо видно улицу и можно было не спеша оценить обстановку.

Бебер с виду был неказист. Посмотришь, вроде ничего особенного, однако на этого парня можно

было положиться.

Начнем с того, что платил он. Деньги у него были.

— Моя жена неплохо справляется, — сообщил он, — она у меня работящая, я терпеть не могу бездельников…

Я все понимал. Я же не тупой. Короче, через эту центральную площадь проходил весь город.

— Вот увидишь, — говорю я Беберу, — если мы еще какое-то время здесь проторчим, комендант Рекюмель тоже сюда заявится…

— Забудь про него, — отвечает он мне, — посмотри лучше, какая здесь подавальщица…

У нее и вправду был впечатляющий бюст, но там уже два пехотинца из колониальных подразделений нацелились на ее сиськи, каждому — по одной.

— Она уже занята, — констатирую я.

— Видел бы ты мою Анжелу, этой до нее далеко, моя гораздо симпатичнее, не говоря уже об остальном. А эта — обычная сортирная подстилка, — произнес он нарочито громко, чтобы его все слышали. — Я бы ей даже отсосать не дал.

И как бы в подтверждение своих слов он смачно харкнул, попав прямиком на туфлю официантки. И тут она повернула голову в сторону Бебера

и заметила его, он в этот время продолжал пялиться на нее с нескрываемым отвращением. Неожиданно официантка расплывается в улыбке, отталкивает двух сержантов и подходит к нему с любезнейшим выражением на лице.

— Осторожней, сука, ты мне ногу отдавишь. Принеси-ка мне лучше два пикона[15] и вали отсюда. Может быть, эта дешевка и сгодится мне на замену, но сперва мне надо перетереть с Анжелой…

После чего он насупился, прикрывшись занавеской, из-за которой мы наблюдали за центральной площадью, и на подавальщицу больше даже ни разу не взглянул, словно ее для него вообще не существовало. Та суетилась, делала все, чтобы он снова в нее плюнул, иначе не скажешь. Однако он уже утратил к ней всякий интерес. Он размышлял.

Я его от размышлений не отвлекал. И тоже задумался. Я старался соответствовать моменту.

— Посмотри, — сказал он через какое-то время, — тут полно англичан!.. Я напишу об этом Анжеле… Теперь, когда я могу выходить, я этим займусь… Если мой мосол будет гноиться еще

---

[15] Примечания: 15
Пикон — горький ликёр-аперитив, добавляемый в пиво.

два-три месяца, ты сам убедишься, какова моя Анжела, Фердинанд. Ты даже сможешь посылать своим старикам бабки… Я тебе уступлю эту подавальщицу, я ее быстро выдрессирую… Будет как шелковая… На замену ей я найду себе другую… А с бабами вроде Л'Эспинасс я предпочитаю не связываться… На них нельзя положиться. Я и сам люблю всякие садистские штучки, но от них никогда не знаешь, чего ждать, и рано или поздно это обернется против тебя, вот Анжела для меня в самый раз. Увидишь, как это выгодно… Представь себе охотничью собаку… Ты же наверняка видел таких классных телок…

Да, я таких видел, но мне не особо хотелось об этом говорить. В общем, мы неплохо посидели. Пикон ударил Беберу в голову. Он слегка заговаривался, хвастался своими успехами. Это был его конек. Он заказал еще один, потом еще. За два следующих подавальщица не захотела брать с него деньги. Ее право.

— Не ходи мне по ногам, блядина, — заорал он на нее в качестве благодарности.

Он все же ущипнул ее за ляжку, но так сильно, что она сморщилась, а потом еще и везде под юбкой. В итоге он чуть не довел ее до обморока. Мы встали и вышли.

— Не оборачивайся, — сказал мне Бебер. Постепенно я стал чувствовать себя лучше. В кафе было много гражданских, помимо военных, разумеется, и легавых в штатском, этих тоже хватало. Всевозможные торговцы, крестьяне, бельгийские гренадеры и британские моряки. Бренчало громадное механическое пианино, внутри которого строчил свой пулемет, выстукивая мелодию на тарелочках. В сочетании с пушками снаружи получалось довольно забавно. Именно в таком исполнении я в первый раз услышал Типперери[16]. Тем временем уже начало темнеть. Приходилось возвращаться назад, крадучись вдоль домов. А это не так быстро с учетом наших, как его, так и моих, физических возможностей.

— Если я буду гноиться хотя бы еще два месяца, слышь, Фердинанд, — не унимался Бебер, — только два месяца, то с одной только Анжелой, слышь, только с ней одной я сделаю состояние…

Трёп продолжался. Главное было не привлекать к себе внимание. В принципе, улицы уже должны были полностью опустеть. Но прятаться все равно пришлось, пока проходил патруль легавых, потом целый эскадрон жандармов, а за ними

[16] Примечания: 16

Типперери — имеется в виду строевая песня британской армии «It's a Long Way to Tipperary» (До́лог путь до Типпере́ри).

еще и группа мудил с дубинками и нарукавными повязками английской полиции. К счастью, нас спасла инженерная рота, без нее, думаю, мы бы спалились. Понтонёры тащили на канатах свои понтоны. Всевозможные цепи, драндулеты и котелки, настоящая барахолка. Среди такого количества снаряжения без труда затерялось еще два предмета. И вот так, удачно вписавшись в кучу этого барахла, мы с ним вдвоем хромаем в направлении нашей улицы. Прямиком до угла, где можно уже вздохнуть спокойно. От угла до небольшой двери Девы Марии Заступницы мы добираемся в три приема, отсюда можно попасть в наш лазарет только через подвал. Я не особо любил там ходить.

— Ничего, давай не будем возвращаться вместе, — предложил Бебер,— я пойду через сад, а то мне с моей ногой тяжело спускаться по ступенькам. А ты иди низом.

Так что я открываю дверцу. Я стараюсь не шуметь. Иду не спеша. Правда под ногами все равно поскрипывает. На мгновение я застываю и всматриваюсь в темноту. Неподалеку есть еще одна дверь с полоской света снизу. Я направляюсь к ней. Я все делаю так, чтобы меня не было слышно. Но из-за гула в ушах мне трудно определить,

насколько мне удается не шуметь при ходьбе. Все же я подхожу. И отчетливо различаю характерный стон гвоздя при вхождении в дерево, а следом еще и скрип прогнувшейся доски… Я сразу понимаю, что там внутри кто-то заколачивает гроб. Конечно же, это упаковывают того овцеёба. А хоронить будут завтра. Вряд ли станут тянуть. Наверняка от этого овцёеба решили побыстрее избавиться из-за гангрены, уж больно сильно он вонял даже сквозь карболку. На койках в лазарете лежали и другие, но они так не воняли и могли подождать. И хотя я стоял за дверью, я расслышал еще и чье-то бормотание, однако это не был голос местного столяра, толстяка Эмильена, которого здесь все хорошо знали, он постоянно был слегка навеселе, и манера говорить у него была соответствующая. Кто-то молился, причем на латыни. Но разве могла какая-нибудь послушница прийти туда именно сейчас замаливать грехи?

Я заинтригован. Какое-то мгновение я колебался. Так ничего не узнаешь, если только туда заглянуть. Достаточно было чуть приподняться над перегородкой, и ты фактически в чулане. Я стал искать лесенку и в итоге взобрался на пустые коробки. Получилось довольно шумно… Я смотрю. Слушать мешают отголоски артиллерийских

выстрелов, от которых вверху дрожали стекла, но и здесь, в подвале, тоже все вокруг содрогалось. Я всматриваюсь повнимательнее. Важно было успокоиться. Забавно, я все еще боялся себе в этом признаться, но я почти не сомневался… Я слышал голос Л'Эспинасс, мне сразу показалось, что это она говорит по-латыни. А теперь она взялась за дело. Можно было подумать, что решается вопрос ее жизни и смерти, так ей не терпелось открыть этот ящик. Она старалась протиснуть в щель слесарное зубило, раздавался жуткий скрежет. Эмильен ведь уже заколотил гроб.

Она орудовала обеими руками, совершено их не жалея. При свече мне не слишком хорошо было видно ее лицо, мешала вуаль, к тому же она склонилась к крышке. Запах, похоже, ее не пугал. В отличие от меня. Я даже не пытался что-либо понять, но вдруг почувствовал, что стал свидетелем чего-то глубоко личного. И решил больше не медлить. Я легонько стучу по перегородке. Она подняла голову и в свете свечи заметила меня в двух метрах от себя.

И тут она меня испугала. Я даже слегка отшатнулся. Ее лицо было искажено, но не гримасой, нет, а само будто стало одной сплошной раной, смертельно бледной, истекающей слюнями и

трясущейся.

— Пусть твоя харя кровоточит, — сказал я ей, — кровоточи, дохлятина!

Я не хотел ее оскорблять, а просто говорил первое, что приходило мне в голову. Поток слов сам извергался из меня, а их смысл в этот момент был не важен. Я потерял равновесие. И толкнул дверь клетушки.

— Пусть льется кровь, пусть кровоточит!

Глупо было так говорить, но это все, что я смог сказать. Тогда она ринулась ко мне, стала меня целовать и тереться лицом о мое лицо, будто это меня она обнаружила в гробу, при этом она вцепилась в меня обеими руками, и, мало того, ее всю трясло. А потом она вдруг обмякла, отяжелела и соскользнула вниз, но я ее подхватил.

Она едва не потеряла сознание.

— Алина[17], — сказал я, — Алина!

Это было ее имя, я слышал, что в палате так к ней обращались. Постепенно она пришла в себя в темноте.

— Я поднимусь наверх, — сказал я ей.

— Разумеется, Фердинанд, мы обязательно завтра увидимся, до встречи. Мне уже лучше. Вы

---

[17] Примечания: 17

В дальнейшем Селин называет Л'Эспинасс еще и Агатой.

такой милый, Фердинанд, я вас так люблю…

И она пошла через улицу. Она окончательно стала прежней. А наверху меня уже заждался Бебер.

— Я уж решил, что тебя засекла консьержка, — сказал он мне.

Он недоумевал. Но я не собирался ему ни о чем рассказывать, ни ему, ни другим. Иногда нужно проявить твердость, чтобы никому не навредить, да и в будущем это могло мне еще пригодиться, так и вышло.

* * *

Особых улучшений я уже не ждал. По утрам я чувствовал еще большую усталость, чем накануне, так как из-за шума в голове просыпался ночью по двадцать-тридцать раз. От этого не просто устаешь, а чувствуешь себя совершенно разбитым. Все знают, как важно высыпаться, чтобы быть полноценным человеком. У тебя даже на то, чтобы свести счеты с жизнью, сил не остается. Настолько это выматывает. Вот Кас-

кад[18] по утрам во время перевязки чувствовал себя бодрячком, хотя ногу ему до сих пор так и не вылечили. Скоро ему собирались удалять еще две фаланги, гниение продолжалось. Ходить ему было строго противопоказано, даже в тапках, благодаря чему он также являлся объектом особой заботы мадмуазель Л'Эспинасс… Чего-то более конкретного я об этом от него никогда не слышал. В любом случае слишком рисковать он бы тоже не стал.

— Сиськи у тебя зачетные, а звать-то тебя как? — спросил он у подавальщицы, когда мы пришли во второй раз.

— Амандина Дестине Вандеркотт.

— Надо же, какое красивое имя, — прокомментировал Каскад с деланным восхищением. — И давно ты здесь работаешь?

— Два года.

— Так за это время ты весь город, наверное, узнала? Всех жителей! А Л'Эспинасс ты тоже знаешь? У женщин ты тоже сосешь?

— Да, — сказала она, — а вы?

---

[18] Примечания: 18

Каскад — так с этого момента Селин начинает называть Бебера. В дальнейшем имя Бебер еще несколько раз промелькнет, но в основном это будет Каскад. Персонаж по имени Каскад встречается у Селина также в романе «Банда гиньолей».

— Я тебе как-нибудь обязательно об этом расскажу, но только после того, как засажу тебе в жопу, сучара, не раньше! Какие все же забавные, и такие недоверчивые эти девки! Всё хотят знать заранее!

Он говорил с подчеркнуто показным негодованием, изображал обиду. Ему явно хотелось произвести на меня впечатление. Правда со мной ему все же было не так просто, как с Амандиной Дестине. Ничего более впечатляющего она еще наверняка никогда не видела.

Мы наведывались теперь туда каждый день в полдень, сразу после обеда, в кафе Гиперболу на Большую площадь. Там в углу у нас был свой столик. Мы видели всех. А нас — никто. Наши вылазки из Девы Марии Заступницы являлись объектом всеобщей зависти. Л'Эспинасс даже заставила нас клятвенно пообещать, что остальному сброду в палате мы объясним, будто ходим на ежедневные сеансы лечения электричеством.

— Идёт! — сказал я малышке Л'Эспинасс.

Я решил учиться говорить, как Бебер. Но тайком ото всех. Беберу тоже было знать не обязательно. Забавно все-таки он вел себя в жизни. Все делал по-тихому. Даже говорить предпочитал, прикрыв рот ладонью, за исключением случаев, когда на-

чинал обсирать Амандину Дестине, придумывая для нее всякие диковинные прозвища, каких она в жизни не слышала, та сновала туда-сюда вдоль стойки и прямо клохтала от удовольствия, а он через раз безжалостно что есть силы щипал ее за ляжки. Вот такой Бебер был изувер. Через восемь дней или чуть позже мы снова пришли в Гиперболу за занавеску. Бебер наблюдал за перемещавшимися по площади войсками, горожанами и офицерами. Его интересовала форма армий всех стран. Амандина Дестине ему помогала.

— Вон там на углу, напоминает замок, это штаб англичан. А те, у кого кепи с красными лентами, они самые богатые.

Она знала это по чаевым.

Стоило мне утром проснуться, как я слышал голос [Каскада]. Он сообщал мне новые подробности об Анжеле, какие у нее были настоящие, цвета красного дерева, волосы, доходившие ей до бедер. Как она трахалась, могла кончить двенадцать раз кряду. Бесподобно просто. Еще она иногда [подворовывала]. С пожарником один раз вообще офигеть, что было, и это все правда…

— Сам увидишь!

Бебер ничем особо не заморачивался. Лишние

мысли у него в мозгу подолгу не задерживались. А я хотел побыстрее восстановиться. Мне бы это не помешало. Жизнь становится совсем невыносимой, когда у тебя не встает. Нельзя мириться с такой несправедливостью.

— Расскажи мне еще про Анжелу, — попросил я его, стараясь говорить потише, чтобы никого не разбудить.

И он рассказал мне, как в первый раз вставил ей в [в задницу], ей было так больно, что она орала целый час.

Каждое утро мне казалось, что зуав слева умер, настолько бледным он становился на рассвете. Но потом он начинал едва заметно шевелиться и стонать, откинулся он только на второй месяц…

Я пытался проследить за Л'Эспинасс, мне хотелось знать, кому она еще сейчас дрочит, но раненых было чересчур много, поступало по несколько вагонов в день, так что мои усилия ни к чему не привели. Жизнь в Пердю-сюр-ла-Лис кипела. Навскидку между Большой площадью и бастионами второй линии было размещено по меньшей мере четыре штаба, двенадцать госпиталей, три санитарных пункта, два военных совета и двадцать артиллерийских парков. В местной семинарии собрали резервистов из

одиннадцати окрестных деревень. Мадмуазель Л'Эспинасс и тут не осталась в стороне и старалась, как она говорила, сделать этим несчастным что-нибудь приятное.

Именно в глухом дворе за семинарией по утрам и расстреливали. Один залп, а через четверть часа — второй. Где-то дважды в неделю. Из палаты Сент-Гонзеф я постепенно восстановил всю картину. Практически всегда это случалось по средам и пятницам. В четверг работал рынок, а это уже другие шумы. Каскад тоже был в курсе. Он не особо любил об этом говорить. Но я подозревал, что он намылился туда сходить. Просто глянуть на то место. И меня оно интересовало. Однако на сей раз должен был идти кто-то один. Обычно мы всюду ходили вместе. Даже забавно, что нас с ним по раздельности уже и представить было нельзя. А тут потребовалось прогуляться до вокзала. Забрать медикаменты. Я, разумеется, для такой цели не годился, слишком уж далеко было тащиться, да еще и тяжесть на себе нести, тогда как меня самого кому-то нужно было всю дорогу поддерживать, чтобы я не упал. Итак, Каскад собирается идти один. А я сразу обратил внимание, что лицо у него какое-то не совсем такое, как обычно. Он явно что-то задумал и не

хотел этим ни с кем делиться.

— Я никуда не иду, — говорю я ему.

А сам, пока он отвернулся, натягивая на себя башмаки, незаметно вытащил у него из оставленной на стуле шинели квиток для камеры хранения. Он уходит. Я выжидаю пять минут, а потом объявляю персоналу.

— Эй, гляньте-ка, что оставил этот пешедрот. Теперь он свою посылку не получит.

И, само собой, я отправляюсь его догонять.

— Вот, — говорю я себе на улице, — наконец-то можно сходить и посмотреть, что там у них за семинарией…

Я стараюсь не торопиться, чтобы не нарваться на легавых. Подхожу прямиком к тому месту, где от улицы ответвляется некое подобие тупика. В самом конце запертая на несколько замков железная дверь в загон. Я направляюсь к ней. Нагибаюсь и заглядываю в скважину. Все видно. Там какой-то сад с лужайкой, а в глубине, в метрах ста или даже дальше, стена из ноздреватого известняка, не сказать, чтобы очень высокая. И к чему, интересно, их привязывают? Я не очень понимаю, как это обычно происходит. Но постепенно у меня начинает что-то вырисовываться. Я не вижу следов от пуль. Вокруг полная тиши-

на. Весна в разгаре, щебечут птицы. Свист пуль сливается со свистом птиц. Каждый раз, судя по всему, им приходится устанавливать новый столб. А теперь мне пора на вокзал. Я ухожу. И практически сразу настигаю Каскада. Похоже, он шел к вокзалу еще медленнее, чем я. Мы ничего не говорим друг другу. На лице у него застыла трагическая гримаса. Каждый справляется со своими эмоциями как может. Я вручил ему его квиток.

— Забери коробку, — сказал я ему.

— Пошли вместе, — ответил он.

Теперь уже я поддерживал его по пути в доставку. Позже я понял, что за предчувствие его посетило, когда он меня увидел. На обратном пути мы зашли в Гиперболу. С Амандиной Дестине он не разговаривал, вообще ей ничего не сказал, ни слова. Она даже расплакалась из-за этого. Мы выпили с ним литр кюрасо. Каскад, я уверен, не спал потом всю ночь. Выражение его лица на следующее утро показалось мне каким-то уж чересчур одухотворенным. Не стоит думать, что Бебер был совсем не способен на глубокие чувства. Он мог, например, часами молча лежать, глядя прямо перед собой, погрузившись в свои мысли. Внешне он был вполне себе ничего,

насколько я, конечно, могу судить о мужской красоте — мордашка с тонкими правильными чертами и довольно большие выразительные глаза романтика. Годы еще не дали о себе знать. В том, как он сурово обращался с телками, тоже было много еще не успевшего иссякнуть мальчишеского задора, и те как будто чувствовали это, относились к нему с пониманием и все ему прощали. А меня он держал за недоумка, пусть и симпатичного, но задрота с надломленной длительным регулярным трудом психикой. Я все ему про себя рассказал, ну или почти все. Только про малышку Л'Эспинасс я никому не говорил, она была моей тайной, единственной и жизненно важной, иначе не скажешь.

Про коменданта Рекюмеля из совета мы давно уже ничего не слышали. Видели только загон, где все это происходило, и [где] Каскада посетило предчувствие. Так и не нашел наверняка никаких новых доказательств в связи с тем рейдом. Порой мне казалось, что он ко мне обращается, но это мне просто мерещилось, будто я слышу какие-то слова, когда вечером меня снова начинало лихорадить. Я никому не жаловался, чтобы не лишиться прогулок. Малышка Л'Эспинасс больше мне не дрочила, а только приходила меня

поцеловать к десяти. Она стала вести себя менее эмоционально, можно сказать. И кюре теперь со мной не беседовал. Он, очевидно, меня побаивался. Даже горе-хирург Меконий и тот стал более покладистым. Бебер тоже отмечал все эти произошедшие вокруг нас перемены, хотя и не мог толком объяснить их причину. Однако главное его внимание было по-прежнему сосредоточено на изучении городских нравов военного времени. В Гиперболе в табачном дыму громыхал гром господень, иначе не скажешь, и это еще, не считая механического пианино. Когда начинали орать сразу все одновременно, я даже переставал слышать шум у себя в ухе. Шум заглушал шум. Правда легче мне от этого не становилось. Голова моя буквально раскалывалась на части от такой шумовой атаки.

— Слышь, Фердинанд, — говорил мне тогда Бебер, — чё-то ты побледнел. Пойдем на речку, прогуляемся, может, тебе полегчает.

И мы туда ковыляли. Полюбоваться на разрывающиеся вдали в небе снаряды. Наконец-то наступила весна, повсюду цвели тополя. Затем мы опять возвращались в Гиперболу, чтобы продолжить свои наблюдения. А уж дефиле войск было прямо как из книжки с картинками. [Не-

сколько неразборчивых слов] к своему апогею это приближалось около восьми вечера, когда происходила смена караула.

И тогда все это растекалось, полки катились, подобно лаве, по Большой площади сверху вниз, справа налево. Просачивались сквозь аркаду вокруг рынка, задерживались возле бистро и двигались к фонтанам, где в сиянии громоздких канделябров фонарей наполнялись [трясущиеся] на осях бочки[19]. Не хватало только все это слегка перемолоть, смешав оборудование и мясо, и все, что скопилось на Большой площади, окончательно бы слилось в однородную массу. Так в конечном итоге, говорят, и произошло, когда в ночь на 24 ноября баварцы здесь все полностью разбомбили.

И тут на Большой площади весь этот круговорот остановился, дивизии бельгийцев уткнулись в кишки зеландцев[20], всех разом накрыло сорока тремя бомбами. Десятки мертвецов.

Три полковника были застигнуты за игрой в покер в саду у кюре. Точно ли так было, не знаю,

---

[19] Примечания: 19

В этом фрагменте в рукописи очень много исправлений, поэтому его смысл остался не до конца проясненным.

[20] Примечания: 20

Зеландцы — жители Зеландии, провинции Нидерландов.

сам я этого не видел, но мне рассказывали. А когда мы с Каскадом посещали Гиперболу, там неизменно проходили эти помпезные демонстрации. Следует отметить, что с алкоголем и его разнообразием как у заглядывавших туда на пару часов, так и у собравшихся на Большой площади проблем не было, а вот женщин в Пердю-сюр-ла-Лис катастрофически не хватало. Амандина Дестине, с которой мы достаточно близко сошлись, была единственной из прислуги, но она запала на Каскада, это сразу бросалось в глаза, она буквально с первого взгляда в него влюбилась. Остальных хуеносцев, включая тех, что специально ради нее притащились из Ипра, города-героя Льежа, да хоть с Аляски, она на дух не переносила. Бордели отсутствовали как класс, они были категорически запрещены многочисленными предписаниями, а подпольные заведения отслеживались, закрывались и искоренялись полициями четырех стран.

Так что выпил, поспал и начинай дрочить, у союзников, возможно, практиковалась еще и ебля в зад, поскольку у нас в то время подобный жанр еще не получил особого распространения. С точки зрения Каскада сложившаяся вокруг нас ситуация в целом представляла собой практически неиссякаемый источник халявных бабок. Он

считал, что нужно срочно вызывать Анжелу. Я, к своей чести могу сказать, был с ним не согласен. И противился до конца, потому что смертей и трагедий мне и без того хватало. Пусть он и состоял с ней в законном браке, являлся ее преданным и любящим супругом и имел на руках соответствующие документы с гербовой печатью, здесь в Пердю-сюр-ла-Лис никто в такие детали углубляться не станет, если Анжелу вдруг застукают, когда ее будут ебать по валютному курсу, Каскада это тоже напрямую коснется, и, несмотря на гниющую ногу, парнишка в два счета загремит на передовую в 70-й, оглянуться не успеет… Про предчувствия я предпочитал ему не напоминать. Мы этой темы с ним никогда не касались. Слова тут были лишние. Каскад, я бы сказал, сам делал все, чтобы накликать на себя беду. Получения пропуска ей пришлось дожидаться не так и долго. И вот однажды утром его Анжела сюда прибывает и объявляется в палате Сен-Гонзеф, никого Даже заранее не предупредив. Он не соврал, она была рождена, чтобы на нее у всех вставал. Всего один взгляд, легкое движение руки, и ваш хуй напрягается. Мало того, волнение проникает гораздо глубже, в сердце и, можно сказать, еще дальше, достигает того, что является даже бо-

лее важным, но уже не имеет особого значения для жизни, поскольку от смерти его отделяет всего три дрожащих оболочки, и тем не менее их дрожь ощущается настолько явственно, они пульсируют так интенсивно и настойчиво, что вы невольно говорите в такт их биению да, да.

А мы все там были в таком состоянии, все вокруг, включая меня, сложно с чем-либо сравнить, но я словно барахтался в переполненном болью бассейне, и чтобы я смог снова вскарабкаться по лесенке вверх, малышке Анжеле действительно было нужно привести в движение всю эту биологию. И она с первой же минуты стала так мило стрелять глазками и подбадривать меня. Каскада это не волновало.

— Вот видишь, Фердинанд, я тебе не врал, когда она будет уходить, ты не сможешь оторваться от ее жопы, а представь, что будет, когда она придет к воякам, какого шороху она среди них наведет, я же говорил тебе, она горячая штучка… Ступай, моя девочка. Увидишь арки… кафе Гипербола. Спроси служанку Дестине, я ее предупредил. Поживешь пока у нее… Вечером мы с корешем зайдем, и я тебя заберу. Подпиши пропуск у комиссара… И никуда не выходи, пока я тебе не скажу… Я уже все продумал… Зарегистрируйся…

Ни с кем не говори… Если будут задавать вопросы, можешь всплакнуть, рассказать, что твой муж очень болен… Тем более это правда. Ну все, ты меня поняла… теперь вали…

А у меня от Анжелы буквально крышу снесло, хотя я и понимал, что не стоит совсем уж впадать в детство. Я бы высосал все у нее между ног. Отдал бы последние бабки, если бы у меня они были. Каскад поглядывал на меня. Его это забавляло.

— Да не парься ты так, Лулу[21]. Ты же мой дружбан, и когда у тебя снова встанет, я дам тебе выебать свою малышку, и попрошу ее, чтобы она кончила, возбудившись как для офицера. Не сомневайся, все будет по высшему разряду…

Тогда были в моде открытые полупрозрачные летние блузки. Я думал о ней, и мне на глаза как будто опускалась вуаль мечты с точками сосков, а потом у меня снова загромыхало и загудело в голове, и в итоге я отправился блевать в сортир, поскольку всякий раз, когда я слишком долго возбуждался, у меня начинала кружиться голова.

Вышли мы как обычно. В Гиперболе Дестине всегда была в окружении солдат, а теперь к ней присоединилась Анжела, которая пила анисовку

---

[21] Примечания: 21
Лулу — уменьшительное от Луи Детуша.

с сенегальцами. Каскаду это не понравилось, и он мне сказал:

— На первый раз я не стану ее чморить перед сменщицей, но если она пустится во все тяжкие, она у меня огребет по полной… Будет знать, как вести беспорядочную половую жизнь. Послушайка, женушка, — обратился он к ней, — как-то ты совсем распустилась, пока я был ранен… представь себе, ты не в Париже, а здесь со мной… Отныне ты должна делать только то, что скажу я, и никакой самодеятельности…

Его слова задели Анжелу, это было заметно. Ее вид заставил меня насторожиться. Она и вправду держалась довольно вызывающе.

— Подумай, у Фердинанда может сложиться о тебе не самое лучшее мнение, а ведь я, он не даст мне соврать, так тебя ему расхваливал. А ну-ка покажи ему свою киску, пусть Фердинанд посмотрит, давай, делай, что тебе говорят…

Ей это не нравилось, совсем не нравилось. Она этого не скрывала. В такие моменты он становился очень грубым.

— Давай показывай, а то сейчас схлопочешь с ноги по роже!

Малышка Дестине стояла у Каскада за спиной. Она переживала за Анжелу, но была растеряна и

не знала, как себя вести,

В итоге Анжела так ему и не подчинилась. Он понял, что без крупного скандала не обойтись, и сбавил обороты. Анжела презрительно оглядела его с головы до ног. И он сразу как-то весь поник. Да и эта война нас тоже всех надломила. Каскад больше не мог пиздить свою жену. Анжела аж целую минуту еще презрительно осматривала его с головы до ног.

— Ты воняешь, Каскад, сказала она, — ты смердишь, и ты меня достал, я только за тем и приехала, чтобы тебе это сказать, я давно уже собираюсь послать тебя на хуй…

Вот так все это прямо в харю ему она и выпалила. Естественно, никогда еще такого не было, чтобы его обсирали у всех на глазах, тем более собственная жена.

— Псст! — просвистел он, — псст! — просвистел он снова. Ты слишком перепила, Анжела, еще слово, и я тебя урою, как только ты отсюда выйдешь…

Он окончательно взял себя в руки.

Все происходило в маленьком зале в глубине, но какое-то время она настолько громко орала, что я даже испугался. Потом, правда, она повернулась ко мне и демонстративно перешла на

шепот — та́к еще решила повыёбываться. А он был раздавлен. И это неудивительно. В итоге мы все выпили за ее счет. Ее ужасно веселило, что он приссал.

— Ну, чё, Каскад, обтекаешь сидишь, здорово я тебя опустила… У тебя же не лицо, а жопа с ушами, век бы тебя не видела…

— В тебе нет ни грамма гуманизма, Анжела. Ни грамма, — сказал он.

Он настороженно вращал глазами — он постоянно оставался начеку. Из Гиперболы он вышел, как только прошел патруль, пора было возвращаться в больничку. На прощание она сунула нам бумажку в сто франков, причем так, чтобы это видела Дестине:

— Только не подеритесь, — сказала она. — С завтрашнего дня, — продолжила она после небольшой паузы, — я сама буду все решать.

На фоне болезней и творившегося вокруг кошмара все это было не так уж и важно. Скорее забавно, поэтому я об этом и рассказываю. Но Каскад-то был потрясен.

— Никогда бы не поверил, что она способна на подобное, Фердинанд… Это иностранцы ее так испортили.

К такому заключению он сначала пришел. И

это было последнее, что он сказал перед сном. Наутро он продолжил развивать свою мысль.

Само собой, Анжела и Дестине из Гиперболы заморочила мозги. Они же жили в одной комнате. А потом в нее окончательно вселился дьявол.

У меня так болела голова, что каждый день я выходить не мог. Естественно, я об этом жалел. Но у меня вообще все так болело, что мне было не до нее. Л'Эспинасс за мной ухаживала. Правда по вечерам она меня больше не целовала. Она со мной вообще больше не говорила. А зуав с соседней койки все-таки умер. Однажды вечером я вернулся и его там не застал. Еще никогда мне не было так хреново, как той ночью. Я уже успел привыкнуть к этому зуаву, к его дерьму, ко всему. И его уход, я не сомневался, был знаком поворота в худшую строну. Ничего хорошего от будущего отныне можно было не ждать.

Сами потом увидите, ошибался ли я. Нас с Каскадом всерьез беспокоило, как распорядится Анжела своим разрешением на пребывание в городе. Он, хоть и был ее сутенером, но контролировать ее больше не мог.

— Ты не представляешь, на что способна женщина в такой ситуации. Она, как выпущенная из клетки пантера, ее уже ничто не остановит… Ка-

ким же я был идиотом, что настоял на ее приезде сюда… Я думал, что все будет как прежде… Она же никогда такой не была… Не понимаю, что с ней случилось…

Он все осознал.

— Уверен, она начнет здесь обслуживать всех подряд. Ее повяжут и, разумеется, она тут же сдаст меня… потому что она изменилась, говорю тебе, и обязательно на меня настучит… А прикинь, что после ее вдруг решают вернуть в Париж, притом что перед отъездом я специально проинструктировал свою сестру. Вот это будет номер. Если только я там ее снова увижу, я сделаю для них прикроватный коврик, можешь не сомневаться, легавые получат от меня прикроватный коврик целиком из кожи, которую я сдеру с жопы Анжелы перед тем, как окончательно от нее избавиться.

И он двумя руками нарисовал у моих ног большой квадрат.

Все бойцы вокруг, за исключением агонизирующих, веселились, слушая, как он поливает свою подружку. Естественно, им было глубоко плевать на болтовню Каскада, в смысл его тирад никто не вникал, карты же куда интересней, а еще лучше целый день харкаться и выдавливать из себя по

капле мочу в судно в ожидании весточки из тыла с новостями, что все идет хорошо и скоро наступит мир. Между тем пушки к 15 июля настолько приблизились, что стали уже серьезной помехой. Теперь в общей палате приходилось говорить очень громко, предельно громко, иначе названий карт было не слышно. Днем небо буквально полыхало, и даже когда ты закрывал веки, перед глазами продолжало маячить красное пятно.

На нашей улочке, к счастью, было поспокойнее. Поворачиваешь направо и где-то через пару минут выходишь к Лис. По дороге, с которой тянули бечевой суда, можно было пройти к другой стороне насыпей, обращенной к деревне, это было самое тихое место во всей долине. Поля, исполненный покоя зеленеющий склон, и на нем овцы. Мы с Каскадом садились и наблюдали, как они жрут траву. Канонады было практически не слышно. Над водой — тишина, судоходство отменили. Порывы ветра, сотрясавшие кроны тополей, словно раскаты смеха. Напрягало только, что свист птиц напоминал о свисте пуль. Но мы с Каскадом об этом не говорили. С тех пор, как появилась Анжела, меня не покидало ощущение, что Каскад находится, возможно, даже в большей опасности, чем я.

Направление вдоль дороги, с которой тянули бечевой суда, для перемещения войск не использовалось. Транспортный поток был перекрыт. Темная спокойная вода и сверху кувшинки. Солнце начинало сиять и тут же мрачнело из-за малейшего облачка. Слишком уж оно чувствительно к мелочам. Понемногу я стал приводить в порядок свои шумы, тромбоны — с одной стороны, закрываешь глаза — и вступают органы, а барабан — в такт ударам сердца. Если бы не постоянные головокружения и приступы тошноты, я бы приспособился, но мне еще с огромным трудом удавалось заснуть по ночам. Нужно думать о чем-нибудь приятном, расслабиться, отстраниться. Что тоже существенно утяжеляло мою жизнь. У Каскада, в отличие от меня, таких проблем и близко не было. Я бы с радостью согласился, чтобы обе мои ноги сгнили, только бы не мучиться с головой. Он этого не понимал, обычно бывает трудно понять, почему других на чем-то так клинит. А ведь даже тишина полей — это полная лажа для того, у кого постоянный грохот в ушах. С таким же успехом я бы мог предаваться музицированию. Может быть, страсти наподобие тех, что одолевали Л'Эспинасс, способны были сделать мою жизнь менее обременительной?

Или же есть еще китайцы, которые получают удовлетворение от пыток.

Мне определенно не хватало чего-нибудь столь же безумного, чтобы избавиться от мучительной зацикленности на своей голове. Если бы я чем-то таким увлекся, у меня появилось бы занятие поинтересней. Нельзя сказать, что я совсем перестал что-либо соображать, но как только у меня хотя бы слегка подскакивала температура, со мной творилось что-то непонятное. К тому же я слишком мало спал, из-за чего мысли все время путались у меня в мозгу. Я не мог ничего тщательно обдумать и довести до конца. Именно это в каком-то смысле меня и спасло, если так можно выразиться, поскольку иначе для меня наверняка вообще все бы там и закончилось. Я бы не стал ничего откладывать. Позволил бы вмешаться Меконию.

— Сельские виды убаюкивают, — говорил Каскад, глядя на луга. — От них клонит в сон, хотя легашей и тут хватает. А у меня даже имя связано с лесом. На самом деле я никакой не Каскад, и фамилия у меня не Гонтран, меня зовут Жюльен Лессуан.

Вот такое признание он мне выдал. Прежде чем мы ушли. Он находился под впечатлением. На

обратном пути мы предпочли обойти стороной переулок возле расстрельного загона. Выбрали тихие улочки, те, что рядом с монастырем. Правда и там мы не чувствовали себя в безопасности, тишина обманчива. Пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы отбросить сомнения и идти посредине мостовой.

— Глянем, что она делает, — сказал он.

Уже три дня мы не решались вернуться в Гиперболу. Поэтому мы сворачиваем на улицу, где мэрия, затем на ту, что ведет к монументальной лестнице, расходящейся подобно вееру в направлении центра с главной площадью посредине. Там мы ненадолго задерживаемся. Внимательно оглядываемся по сторонам, прежде чем двинуться дальше. Необходимо было все время помнить, что нас могут застукать, все-таки наши прогулки были не совсем законны. Больше других здесь шухер наводили бельгийцы. Их полицейские отличались особым рвением. Самые ушлые и упертые, они знали тут каждый закоулок.

На Большой площади вовсю кипела жизнь, привычная толкотня, плюс рыночные палатки теперь не сворачивали целую неделю, спрос рождал предложение. Домешник слева особенно выделялся — минимум три этажа и все отделаны

резными изразцами — британский штаб. Нужно было видеть, какие авто оттуда выезжали, и какие расфуфыренные хлыщи выходили. Принц Уэльский появлялся чуть ли не каждые выходные. Говорят, он принимал там кронпринца, который пришел как-то в воскресенье попросить его на три часа прекратить огонь, пока будут хоронить мертвецов. Представляете, какой уровень.

И кого же мы там видим? В паре десятков метров от английского часового? С головы до ног обмотанную траурными лентами? Что вовсе не помешало нам ее узнать. Каскад на какое-то мгновение застывает на месте. Он думал. Оценивал обстановку.

— Видишь, Фердинанд, она ловит клиентов… Говорю тебе, она и английский учит…

Я в таких вещах не особо разбирался. Но, похоже, именно этим сейчас Анжела и занималась. Каскаду тут было над чем подумать.

— Если ты ее сейчас вспугнешь, когда она в таком возбужденном состоянии, то последствия могут быть самые непредсказуемые, Каскад! Лично я сваливаю…

— Погоди, не уходи. Мы ее застанем врасплох. Просто не говори ей, что я здесь. Иди один и напой ей что-нибудь в своем духе.

Мои опасения оказались напрасны. Анжела заливалась веселым смехом. Она уже обслужила трех офицеров накануне, и все трое были англичане.

— Они были так великодушны. Я же занимаюсь этим от горя.

Так вот зачем ей потребовалась вуаль, бедняжка потеряла своего несчастного отца в Сомме, мало того, ее муж находился здесь, в госпитале Пердю-сюр-ла-Лис. Ведь Гонтран Каскад как раз и был ее мужем, и ее липовый пропуск это подтверждал. Так что все было законно, а британский офицер получал урок французского и моральное удовлетворение в придачу. Только что она заработала на них двенадцать фунтов.

— Ты же ничего не украла, — сказал я.

— Нет, конечно, и они точно кончили, уверяю тебя, и все благодаря обрушившимся на меня несчастьям.

Со мной ей было весело, и я воспользовался этим, чтобы немножко ее потискать.

Мы договорились, что, если мне удастся все уладить, Каскад будет ждать нас в Гиперболе. И я не сплоховал. Не то чтобы я прямо обворожил Анжелу, но ко мне она была более расположена, чем к своему мужу. Подавальщицу Дестине, кото-

рая стала ее сменщицей и ученицей, она терпеть не могла. Что, впрочем, не мешало ей жить в ее каморке.

— Слышь, насчет твоей давалки, — сходу обратилась она к Каскаду,— ты чё, не мог научить ее мыть свою щель перед тем, как ложиться под клиента?

Я испугался, что он сейчас запустит ей в рожу пивную бутылку, но он был не похож на себя. Бебер словно уж что-то знал о будущем и, можно сказать, был полностью устремлен навстречу своей судьбе.

— У тебя ничего не выйдет, Анжела, то, чем ты сейчас занимаешься, тебе не потянуть, даже не надейся, неважно, что ты обходилась без меня в Париже, когда я уехал. Ты решила изображать из себя мужика, но для этого нужны мозги, Анжела, которых у тебя нет, у тебя крыша от этого съедет, и в итоге ты сделаешь хуже только себе, а не мне… запомни это.

К моему удивлению, он говорил с ней достаточно спокойно.

Прежде чем мы ушли, она демонстративно, так чтобы все видели, всучила ему купюру в сто франков. Как раз нам на двоих. Я давно уже ничего не просил у родителей. А вскоре мои ро-

дители сами о себе напомнили, да кто только о себе не напомнил вскоре. Так бывает, когда все вроде уже затихло, и вдруг до тебя доносится громкое эхо. Вы сейчас поймете, о чем я. Однажды в воскресенье Л'Эспинасс подходит из другого конца палаты, и сама прямо вся сияет и умильно улыбается, глядя на меня. А поскольку я лежал за своим подголовником и немного себя трогал, я даже вздрогнул.

— Фердинанд, — сказала она, — хотите знать, какая у меня для вас прекрасная новость?

Ну думаю, вот оно, меня увольняют со службы, надо же, и осматривать не стали, а прямо сходу.

— Хотите? Вы получили награду от маршала Жоффра, военную медаль.

И тут я, конечно, вылезаю из-за своего укрытия.

— Ваши замечательные родители приезжают завтра. Они уже в курсе. А вот что написано в вашем чудесном приказе…

И она начинает читать его вслух, чтобы все слышали.

— Приказываю объявить капралу Фердинанду благодарность за то, что во время выполнения задания по поиску путей отступления армейского обоза он своими решительными действиями,

предпринятыми им по собственной инициативе, серьезно поспособствовал его фактическому спасению. В момент, когда последний подвергся артиллерийскому обстрелу и был атакован частями вражеской кавалерии, капрал Фердинанд, оставшись в полном одиночестве, повел себя в высшей степени героически и открыл огонь по группе баварских уланов, прикрыв таким образом отступление трех сотен [раненых солдат] обоза. Ценой совершенного капралом Фердинандом подвига стало тяжелое ранение.

И это все обо мне. Первое, что я подумал: Фердинанд, это какая-то ошибка. Тогда тем более надо срочно ей воспользоваться. Тут уж, поверьте, я и минуты не колебался.

В такие моменты медлить нельзя. Вряд ли эти события были как-то связаны, но линия фронта перед Пердю в тот день тоже отодвинулась. Немцы отступили, как говорили, после неудачной попытки продвинуться вперед. Канонады стало почти не слышно. Все бойцы в нашей каморке буквально офигели от моего внезапного повышения. Они, можно не сомневаться, мне немного завидовали. Каскад и тот был в какой-то мере заинтригован. История с моей медалью и впрямь была как из романа, но об этом я ему говорить не

стал, он бы мне все равно не поверил.

* * *

Надо сказать, что, начиная с этого момента, все действительно стало куда более занимательным и необычным. Все вокруг словно преобразилось под дуновениями незримого ветра воображения. Верхом безрассудства с моей стороны было позволить себе им увлечься, и тем не менее я это сделал. Я не поддался соблазну остаться долбоебом, каким был до сих пор, чтобы и дальше продолжать с покорностью принимать обрушивающиеся на меня страдания, поскольку ничему другому мои замечательные родители меня не научили, всегда и везде одни только страдания, и чем они мучительнее, чем труднее их вынести, чем дольше они длятся, тем лучше. Я вполне мог бы презрительно отвернуться от этой веселой ярмарки воображения, где мне предложили взобраться на полностью деревянного боевого коня, облаченного в упряжь из лжи и наживы. Я мог бы так поступить. Но я сделал иначе.

Давай, Фердинанд, сказал я, ветер дует, снаряжай свою галеру, пусть недоумки продолжают копаться в дерьме, отбрось все сомненья и позволь тебя подтолкнуть. Ты сломан больше, чем на

две трети, но и с оставшимся куском ты сможешь еще неплохо развлечься, держись на ногах, и пусть тебе в спину дует попутный аквилон. Спи или не спи, хромай, ебись, шатайся, блюй, бесись, покрывайся гнойниками, трясись в лихорадке, дави, предавай, ни в чем себе не отказывай, все зависит от ветра, куда он дует, положись на него, отныне тебя больше ничего не связывает со всем этим гнусным мудачьем, какими являются остальные люди. Иди вперед, это все, что от тебя требуется, у тебя есть медаль, и ты неотразим. Наконец-то у тебя появился шанс победить в битве чудовищных уёбков, у тебя в голове твои особенные фанфары, гангрена сожрала тебя лишь наполовину, ты подгнил, конечно, но ты видел поле битвы, где не награждают всякое отребье, а тебя отметили, не забывай об этом, иначе ты просто неблагодарный блевотный задрот, жидкий соскоб с жопы и не стоишь даже бумаги, которой подтираешься.

Я всегда носил с собой в кармане приказ с подписью Жоффра и снова распрямил плечи. Моя удача, надо сказать, окончательно подкосила и без того сникшего в последнее время балагура Каскада. Он даже больше не ругался.

— Взбодрись, Гонтран, — говорил я ему. Скоро,

вот увидишь, я оттрахаю всех местных телок, включая Л'Эспинасс, а заодно и членов медкомиссии вместе с епископом, слышь, вот его́, — прикинь, насколько мне сейчас все пофиг, — я точно отымею в зад, если только он посмеет обратиться ко мне без должного почтения.

Однако Каскад больше не был со мной на одной волне.

— Ты отлично выглядишь Фердинанд, отлично, — это все, что он мне сказал. — Тебе надо сходить сфотографироваться.

— Так и сделаю, вот увидишь, — ответил я.

И мы отправились туда с моими родителями в тот же вечер, когда они приехали. Мой отец как будто впал в ступор. Внезапно я кем-то стал. Весь пассаж Березина, по их словам, говорил только о моей медали. У моей матери выступили на глазах слезы, ее голос дрожал. Довольно противно было на все это смотреть. Меня жутко бесило, что мои родители так расчувствовались. А поводов для волнения тут хватало. Моего отца до глубины души потрясла дефилировавшая по улицам артиллерия. Моя мать не уставала повторять, что солдаты так молоды, а офицеры на редкость уверенно держатся в седле. К офицерам она сразу прониклась особым доверием. В довершение

всего в Пердю-сюр-ла-Лис у моего отца нашелся знакомый, страховой агент из Ла Коксинель. Нас пригласили на обед, чтобы отметить мою медаль, ну а заодно и Л'Эспинасс. Я был гордостью ее госпиталя, Каскад, естественно, тоже должен был в этом участвовать, поскольку он уже привык везде быть со мной, а раз так, то моя мать стала настаивать, чтобы и Анжела тоже приходила, не мог же он явиться без жены. Она совершенно не врубалась в суть их отношений. И объяснять ей что-либо было бесполезно. К тому же сразу после обеда они уезжали. Мы потащились за Анжелой и нашли ее там же, где и всегда, на углу возле английского главного штаба.

Каскад, и это сразу бросалось в глаза, совсем сдулся. Он постоянно тушевался, особенно при виде Анжелы. Даже в перепалку больше не вступал. Дестине и та с ним не особо церемонилась. Отодвигала в сторону его стул, чтобы освободить проход другим посетителям Гиперболы. Человека словно подменили. Я, наоборот, воспрял благодаря медали, а его будто что-то подтачивало, война на всех давила, но он перестал это контролировать. От его былой наглости не осталось и следа, и в то время, как я стал нащупывать у себя под ногами твердую почву, он, если так можно

выразиться, просто плыл по течению навстречу злой судьбе.

— Не раскисай, — говорил я, — твоя телка Анжела тебя кинула, на данный момент она действительно подло с тобой поступила, согласен. Подвернулся удобный случай, и она им воспользовалась, однако долго это не продлится, скоро она столкнется с суровой реальностью, и ты отыграешь все назад. Но, разумеется, ей было бы только лучше, если бы ты заставил ее прекратить выпендриваться прямо сейчас.

— Слышь, слышь, слышь, да я при первой возможности сдам ее легавым, я уже и на такое готов пойти. Пусть они отправят ее в Париж долбиться со своими неграми. Дело-то уже не в том, останется она здесь или нет, все куда проще — или я ее замочу, или она меня. Еще одной жертвой войны станет больше, можешь и так это назвать, если хочешь. Наверняка у нее есть ёбарь, а ведь плюс ко всему она еще и лесбуха, я давно уже это просёк. Поверь мне, Анжела — это дьявол во плоти, Фердинанд.

Агента Ла Коксинель звали г-н Арнаш. Домик у него оказался прямо на загляденье, да еще и прекрасно благоустроенным для тех лет. Сам он тоже был неимоверно любезен. Он провел нам по

своему дому ознакомительную экскурсию. Дом был оформлен в старинном стиле, моя мать это чрезвычайно ценила. Она осыпала его комплиментами. Она сочувствовала госпоже Арнаш, им ведь приходится жить так близко к линии фронта. А какие у них милые детишки, два мальчика и девочка, которые сидели за столом вместе с нами. Г-н Арнаш всегда был богат и работал в Ла Коксинель исключительно для того, чтобы иметь в жизни какую-то цель.

И моя мать без конца им восторгалась. Ее восхищала его безграничная отвага, сочетавшаяся с воистину уникальной нравственной чистотой. Обладатель значительного состояния [несколько неразборчивых слов], среди скопления войск практически в зоне боевых действий, обремененный семьей, с детьми на руках, из-за проблем с сердцем будучи признанным негодным к воинской службе, он превосходно обустроил свой большой дом как изнутри, так и снаружи, полностью в «старинном стиле», с тремя горничными и одной кухаркой, и все это в каких-то двадцати километрах от передовой, такой простой с нами, не утративший способности к состраданию, не раздумывая согласившийся принять нас у себя за столом, особенно обрадовавшийся возможности

познакомиться с Каскадом, все понимающий, умеющий ценить чужое мнение, испытывающий едва ли не благоговение перед нашими ранениями и моей наградой, в безукоризненном дорогом костюме-тройке с чрезвычайно удачно подобранным к нему воротничком-стойкой, вхожий в высшие слои общества Пердю-сюр-ла-Лис, лично знакомый там с каждым, но не кичащийся, хотя мог бы, и не считающий себя важным, полиглот, умей учебник английской грамматики говорить, и тот не превзошел бы его в знании этого языка, да еще и украсивший свой дом плетеными кружевами[22], присутствие которых моя мать считала свидетельством в высшей степени утонченного вкуса, не говоря уже о присланных моему отцу письмах, столь же восхитительных в своей безыскусности, как и он сам, сохранивший верность, на первый взгляд, совсем непритязательной и казавшейся даже по тем временам несколько старомодной манере стричь волосы ежиком, однако эта строгая стрижка своей незатейливой простотой и грубоватой мужественностью сразу же заставляет проникнуться к вам доверием потенциальных клиентов, побуждая их отбросить

[22] Примечания: 22

Намек на то, что в принадлежащем матери Селина магазине достаточно большое место отводилось торговле кружевами.

сомнения и незамедлительно застраховаться. Моя мать со своей «ватной»[23], как она говорила, ногой с огромным трудом вскарабкивалась на каждый этаж, но ее было не остановить, настолько много всего достойного восхищения обнаружила она в жилище г-на и г-жи Арнаш.

Иногда она задерживалась возле окон, чтобы отдышаться, и, застыв там на мгновение, устремляла взгляд на улицу со снующими туда-сюда войсками, с грустью наблюдая за этим диковинным карнавалом…

— Канонада все еще слышна, — говорила она.

После чего вновь устремлялась восторгаться ближайшей комнатой, где все свидетельствовало о неслыханном богатстве, накопленном несколькими поколениями семьи Арнаш. Наблюдая за рыбами в реке, а не войсками на улице, моя мать и то, наверное, лучше бы понимала, что ими движет, куда и зачем они направляются, переливаясь всеми красками радуги и непрерывно сменяя друг друга. Мой отец не мог позволить себе оставаться в стороне и с видом знатока давал ей полностью высосанные из пальца туман-

[23] Примечания: 23

У матери Селина была атрофирована нога. Считается, что в результате осложнения после полиомиелита. Этот факт также упоминается в романе «Смерть в кредит».

ные разъяснения. Арнаш как вежливый хозяин рассказывал о принципах формирования [индусских] подразделений…

— Они и маршируют по двое и вообще, говорят, всегда вместе держатся, и если в одного попадает пуля, то и его товарищ тоже обычно гибнет. Вот так вот.

И тут моя мать снова впадала в экстаз. Она словно пробуждалась от полузабытья.

— Осторожно, Селестина, — говорил ей моей отец, — смотри, куда ставишь ногу.

Он имел в виду натертую до блеска воском лестницу в этом образцовом доме.

— Настоящий музей… Сколько у вас красивых вещей, мадам… — не прекращала восхищаться моя мать.

Она дожидалась внизу перед столовой г-жу Арнаш с тремя ее детьми. Мой отец опасался за мою мать, она ведь могла упасть прямо на виду у всех. После стольких хождений по лестницам ее хромота усилилась, не говоря уже о поезде и прогулках по городу. Думая о ее тощей уродской конечности, мой отец прямо весь перекашивался. Он не сомневался, что другие тоже успели ее рассмотреть у нее под юбками, пока она карабкалась наверх. А в облике этого Арнаша с его маленьки-

ми кошачьими усиками и вправду было что-то непристойное. Наверняка он тискал служанок. Мой отец и сам украдкой на них поглядывал, когда они разносили закуски. Бойкие двадцатилетние толстушки, довольно аппетитные. Всякий раз, когда они отправлялись на кухню за очередным блюдом, им приходилось подниматься на две ступеньки, и их икры слегка обнажались.

Мадмуазель Л'Эспинасс пришла с небольшим опозданием и с порога рассыпалась в извинениях. Ей не сразу удалось попасть на Большую площадь из-за прибывших накануне шотландцев, которым их генерал в торжественной обстановке вручал там знамя.

— Это было потрясающе! Видели бы вы этих мальчишек, мадам! Еще совсем дети, конечно, но сколько юношеской энергии, отваги и решительности! Не сомневаюсь, что такие способны свернуть горы, и они еще покажут этим нелюдям, мерзким ублюдочным бошам, где раки зимуют!

— О да, мадам, безусловно, в газетах пишут жуткие вещи об их жестокости. Это что-то совершенно немыслимое! Должен же кто-то их наконец остановить.

Что касается жестокости, то в присутствии нас с Каскадом они старались на эту тему особо не

распространяться. Предпочитали не углублять-ся в то, о чем прочитали в газетах. Моя мать со своей стороны возлагала главную надежду на возможность обратиться с жалобой к кому-то очень могущественному и находящемуся на са-мом верху, дабы положить конец бесчинствам, которые творили немцы. Должен же был кто-то такой существовать, иначе и быть не могло. Мой отец на сей раз полностью с ней солидаризовался. Если немцы могли делать, что хотят, то этот мир не соответствовал тому, что они всегда про него думали, [он был построен на других принципах, им непонятных], а такого, по их мнению, даже представить себе было нельзя. Само собой, на военные преступления можно пожаловаться в вышестоящую инстанцию. А каждый на своем месте просто должен оставаться верен своему долгу, как это всю жизнь делал мой отец. И все. Мир, в котором нет способа остановить насилие и пытки, не укладывался у них в голове. Поэтому они его сразу отметали. Даже гипотетическая возможность, что он именно так в реальности и устроен, приводила их в неописуемый ужас. Они начинали лихорадочно поглощать закуски, всячески подбадривая друг друга, чтобы сов-местными усилиями отогнать от себя мысли о

том, что с жестокостью немцев сделать ничего невозможно[24].

— Долго это не продлится. Достаточно было бы вмешательства американцев.

Мадмуазель Л'Эспинасс пребывала в некоторой растерянности, мы двое, Каскад и я, это видели, она не решалась возмущаться вместе со всеми. Она следила за нашей реакцией, но мы держались абсолютно почтительно. При том что все они изъяснялись на странном языке, по правде говоря, на напыщенном языке придурков.

Ну а самым прекрасным было то, что Анжела в конечном итоге все же явилась. Моя мать, естественно, не могла упустить такую возможность и сразу же похвалила ее за храбрость, далеко не все ведь решились бы приехать к своему мужу в столь опасную зону… а она еще и задержаться здесь может… если получит разрешение…

Анжела все время пялилась на мою медаль, ни на секунду не могла оторваться.

Я бы с удовольствием трахнул Анжелу, но спер-

---

[24] Примечания: 24

В этом месте рукописи у Селина присутствует страница всего с несколькими фразами, которые, возможно, он просто забыл вычеркнуть, но теоретически они могут быть отнесены либо к концу этого параграфа, либо к началу описания застолья в доме г-на Арнаша: «Все тогда сочувственно поглядывали на Каскада и меня, а мы ничего не говорили. Ведь мы отмечали мою военную медаль. Мадам Арнаш без остановки сновала между кухней и столовой».

ва мне не мешало бы выспаться и почувствовать уверенность, что по крайней мере в ближайшие день-два со мной точно ничего не случится. На сон, конечно, медаль повлиять не могла, но я стал ощущать себя в чуть большей безопасности. Только вот был еще и Каскад.

Настал черед бараньего окорока. И тут мы на время обо всем забыли. Я трижды брал себе добавку. Мой отец тоже, как и г-н Арнаш, его жена дважды, Л'Эспинасс полтора. Моя мать, глядя, как я ем, ласково мне улыбалась.

— Ну вот, аппетит у всех не пропал хотя бы, — радостно поделилась она со всеми…

О моем ухе никто не говорил, оно, как и жестокость немцев, было из разряда вещей чересчур неприятных, раздражающих, да и вообще неправильных, которые совершенно не вписывались в концепцию возможности исправления любых изъянов этого мира. Я был слишком болен, а в то время еще и недостаточно образован, поэтому головой, где у меня к тому же постоянно гудело, всю гнусность цепляния моих предков за свои дебильные надежды я тогда до конца не осознавал, но я все равно чувствовал, как плохо на меня это действует, стоило мне пошевелиться, как на меня, словно набитый тонной дерьма спрут со

скользкими липкими щупальцами, навалива-лась их огромная оптимистическая идиотская беспросветная тупость, которую они постоянно с маниакальным упорством кое-как латали, вопреки очевидности, несмотря на все примеры беспредельного насилия, ужасы и кровавые свидетельства, буквально вопившие о себе в том числе и непосредственно за окном комнаты, где мы сидели и жрали, и в моей личной драме они отказывались видеть даже намек на какой-либо непоправимый урон или поражение, потому что признать их означало и самим хотя бы немного проникнуться отчаянием, которое люди иногда чувствуют в жизни, а они не желали ни в чем отчаиваться, игнорируя вообще все, включая войну, которая целыми батальонами маршировала прямо под окнами господина Арнаша и грохотала в небе артиллерийской канонадой, и ее отголоски сотрясали все стекла в доме. А вот моя рука постоянно находилась в центре их внимания. В руку я получил приятное, радующее глаз ранение, на которое можно было смотреть с оптимизмом. На ногу Каскада, кстати, тоже. Анжела ничего не говорила, она почти не накрасилась.

— Какая она все-таки милая, эта крошка, — доверительно сообщила мне моя мать после салата.

[Неразборчивая фраза].

Они же не просто так собрались за столом. Не только отметить мою храбрость, тут нам всем, раненым бойцам, поднимали настроение.

Вот так, за едой, прошло добрых два часа. На десерт моих родителей зашел поздравить военный священник, каноник Презюр. Манера говорить у него была чрезвычайно мягкая, как у дамы. А кофе он пил так, словно каждый глоток наполнял его неземным блаженством. Держался он очень уверенно. Моя мать кивала в такт каждому его слову, и мой отец тоже. Они все одобряли. Это был глас небес.

— Помните, мой дорогой друг, и во времена ужасных напастей, какие Господь наш посылает, дабы испытать своих созданий, он все равно полон к ним безграничной жалости и бесконечно к ним милосерден. Их страдания — это его страдания, их слезы — это его слезы, их страхи — это его страхи…

Я постарался придать своему лицу как можно более тупое и раскаивающееся выражение, чтобы не отличаться от остальных и продемонстрировать одобрение слов кюре. Правда слышал я его очень плохо из-за своих шумов, которые образовали вокруг моей головы нечто вроде прак-

тически непроницаемого шлема из грохота. И вот сквозь этот свист, как сквозь стену, с тысячами отголосков до меня доносились его сочащиеся медом и желчью слова.

Моя мать так и застыла с приоткрытым ртом, настолько возвышенные вещи говорил этот кюре. Речь его лилась плавно, без единой запинки, сразу было видно, что для него рассуждать обо всех этих возвышенных материях было чем-то столь же привычным, как для моей матери — быть готовой к самопожертвованию, для меня — шум, а для моего отца — верность долгу. Тут мы снова все выпили коньяку, причем отборного, за мою военную медаль.

Каскад постоянно прикладывался к стакану Анжелы, не оставляя там вообще ни капли, чтобы ее позлить. Он высасывал все прямо у нее под носом. Его это веселило. Происходящее в столовой г-на Арнаша все больше напоминало некий танец, танец возвышенных эмоций. Все вокруг кружилось и двигалось туда-сюда под аккомпанемент моего шума. Даже опереться было не на что. Все были пьяны, абсолютно все. Г-н Арнаш снял свой галстук. Мы выпили еще кофе. Кюре больше уже никто не слушал. Только моя мать все еще кивала головой в такт движениям его

губ, стараясь не пропустить ни одного возвышенного умозаключения по поводу опасностей войны и сверхъестественных благодеяний доброго Господа.

Каскад с Анжелой бурно препирались друг с другом. Я не все слышал, но кое-что до меня доносилось.

— Нет, я не пойду… — говорила она…— нет, не пойду…

Теперь уже она его злила. Он заранее мне сказал, что они туда непременно пойдут, ему нравилось трахать ее в сортире. Но она не пойдет. Ладно.

— Ну тогда я спою! — сказал он.

И поднялся со стула. Мой отец и то уже сильно побагровел. Войска шли, не останавливаясь, каскадом проносилась по улице, словно тяжелый ливень из металла, кавалерия, а следом, между эскадронами, артиллерия, раскачивается, упирается, трясется, одно эхо перекрывает другое. Мы уже успели к такому фону привыкнуть.

— Да он же не умеет! — сразу же встряла малышка Анжела.

Я хорошо видел ее глаза. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего. Черные расширенные зрачки, кровожадный провоцирующий рот и жестко

прочерченная линия бровей над прелестным округлым личиком. Лучше было бы поостеречься. И уж Каскад должен был этот понимать.

— Я спою одну, если решил, а ты засунь свой язык в задницу, и не указывай мне тут!

— Валяй, — сказала она. — Валяй, а мы посмотрим, как ты обосрешься!

Если бы она просто перепила, меня бы это не сильно беспокоило, но было еще кое-что, она могла много чего тут натрепать, о чем ей придется потом сильно пожалеть.

— Ну ты, страхолюдина, как ты смеешь в таком наглом тоне говорить со своим мужчиной в присутствии посторонних. Ты, кого здесь вовсю долбят бриты с того самого момента, как я вызвал тебя сюда к себе… Кем ты себя возомнила? Расскажи лучше этим людям, как я нашел тебя на панели возле пассажа в Каире, и только благодаря мне ты смогла тогда надыбать себе свою первую комбинашку. Еще одно слово, блядина, и я раздолбаю твое кувшинное рыло! Хотя ты и этого не заслужила… сучара!..

— Да ну! — сказала она ему…

И потом тише, сосредоточившись на словах, которые она, не сомневаюсь, заготовила пока шла.

— Ты считаешь, конечно же, что малышка Ан-

жела по-прежнему так же тупа… Ты же сам так говоришь! Вот тебе сменщица, десять шлюх, три девочки и прочие отбросы, которых соизволил привести Мсье, мало того, что у каждой гноится щелка, а на теле минимум две-три незаживающие язвы, так еще и каждый месяц приходится вычищать у них из брюха очередного ублюдка, и малышка Анжела будет со всем этим разбираться, оплатит снадобья и аперитивы для всей дружной семьи своей жопой, платила всегда своей жопой и дальше будет платить своей жопой… Нет, мой зайчик, ты меня достал, мне все остопиздело, если ты опять по уши в дерьме, в дерьме и оставайся. Меня это больше не ебет, каждый отныне сам за себя, это был мой вечерний выпуск!

— Ах! Фердинанд. Я сейчас расплющусь! Ты все слышал. Подожди, я принесу тебе ее кишки…

Г-н Арнаш, кюре и мадмуазель Л'Эспинасс стояли неподалеку. Все они были охвачены сильным волнением. Он уже держал в руке нож для торта. Не такое уж и страшное оружие, на самом деле.

Моя мать слышала все эти ужасы. С ужасами такого рода ей еще не приходилось сталкиваться. Каскада удалось удержать. И усадить на свое место. Он раскачивал головой, как метроном. Его жена, к счастью, находилась по другую сторону

стола. После случившегося она не спускала с него глаз.

— Спойте нам что-нибудь, дорогой Каскад, — наконец выдавила из себя мадам Арнаш, которая была настолько тупа, что вообще ничего не поняла. — Я провожу вас к пианино.

— Ладно! — сказал он и направился к пианино с таким решительным видом, будто идет кого-то убивать.

Он продолжал пялиться на Анжелу. Она уже немного успокоилась.

Я знаю... ляляля ляляляля что вы хороши...

Ляляля, ляляля

Глаза ваши нежности томной полны, ны... ны...

Одна только вы мне на свете нужны!..

Без вас мне не жить... ти... ти...

Я знаю...[25]

И в этот момент Анжела снова начинает его подначивать. Кюре пытался ее удержать, но она

---

[25] Примечания: 25

Селин примерно воспроизводит припев популярной песни тех лет «Je sais que vous êtes jolie» (Я знаю, что вы хороши). Эта песня упоминается также в романе «Смерть в кредит».

все равно поднялась со своего места.

— Есть еще кое-что, о чем ты почему-то забыл рассказать, убогий ушлепок, ты же был дважды женат… да, дважды… второй раз, подделав документы. Его зовут не Каскад, дамы и господа… вовсе не Каскад Гонтран, и он двоеженец, да, двоеженец, который женился, обзаведясь фальшивыми документами… а его первая жена тоже одна из его штатных шлюшек в Тулоне, да, и вот она носит его настоящую фамилию… Настоящая фамилия у него, как у нее. Скажи же им, этим дамам и господам, что это правда …

— Знаешь ли ты об этом? Скажи, что ты об этом знаешь! — продолжал он петь.

Собравшиеся уже не знали, что и предпринять. Анжела тем временем вышла из-за стола и подошла поближе, чтобы бросать ему обличения прямо в лицо.

— Могу и еще кое-что сказать…

— Ну так валяй, выкладывай все, пока мы здесь, говори все, что знаешь, ты же совершенно ебнулась. Увидишь, что потом с тобой будет. Ты еще не видела, на что способен этот Жюльен… он тебя раздавит, личинка ты уебищная, говно на палочке. Продолжай, раз уж начала, продолжай…

— Мне не нужно твое разрешение, обойдусь

как-нибудь без него. Я всем расскажу, кто в два часа ночи четвертого августа замочил сторожа в Парк де Пренс… И свидетели есть… Леон Кросспуай… малыш Кассбит, они тоже смогут это подтвердить…

— Ладно, — сказал он. — Все же я допою. Слышь, ты, блядское отродье, послушай, пока я не начал петь, что я тебе скажу. Ты могла бы отрубить мне башку, эй, ты слушаешь меня, я бы все равно одним только брюхом продолжал петь, настолько мне нравится тебя доставать. Так что слушай.

Я знаю… ляляля ляляляля что вы хороши…

Глаза ваши нежности томной полны…

Одна только вы мне на свете нужны…

Без вас мне не жить…

Я знаю…

— Чувствую, ты хочешь еще один куплет! Я тебе [их] дам все [несколько неразборчивых слов]. Все, чтобы ты от злобы захлебнулась собственным дерьмом. Слушай и учись, как в верхнем регистре не дрожать, будет потом, о чем рассказать. Увидишь сейчас, что Каскад на хую вертел мандавошек вроде тебя.

— Я знаю все куплеты, слышь, ты, все, я и выебу тебя в жопу, когда захочу.

— Надо же, в жопу он меня выебет, как же, да хуй ты меня выебешь! Хорохорься сколько хочешь, а в жопу все имеют только тебя! Ты слабак, только языком трепать и можешь, а сам еще не вырос из детских штанишек, так и не стал мужиком… Это ты давалка, а не я, в тебе больше бабьего, уверяю тебя, больше бабьего, чем во мне.

— Как! Как… — воскликнул тут Каскад в недоумении. — Ты о чем?

— Я говорю о том, говорю… ты ведь сам выстрелил себе в ногу, чтобы вернуться назад и доставать меня… Скажи им, что это не так… Ну скажи… Вот какой он! — добавила она, показывая на него как на некий феномен, словно она находилась на сцене.

Каскад елозил по полу своей сгнившей ногой.

— И все же я спою во славу Франции, — сказал он усталым голосом. — А ты, — обратился он к ней, — слышь, ты, ты никогда, запомни, никогда не заставишь меня замолчать. На свете еще не родилась бабешка, которая меня заткнет, такая

еще не родилась… можешь мне поверить. Иди, приведи мужика, если хочешь, увидишь, как он заставит меня замолчать. Или, может, среди собравшихся здесь ебанатов найдется тот, кто попробует заставить меня замолчать.

Естественно, в полемику с ним никто вступать не стал. Кюре потихоньку отошел поближе к дверям. Остальные не смели даже пошевелиться. Моя мать и та не решалась сказать ему что-нибудь по-матерински мудрое, чтобы его успокоить.

Он так и остался стоять, покачиваясь, но гордый собой, рядом с пианино. Он не столько пел, сколько хрипел, и жутко фальшивил. Забавно, что из-за Анжелы он даже и не собирался прекращать петь. Она стояла совсем недалеко от него между тем. Я все замечал, поскольку это напоминало кошмар, когда ты не в силах ни на что повлиять, а можешь только следить за происходящим… Он был сном, Анжела, в сущности, тоже. И в каком-то смысле лучше бы так и было. А она еще раз подтвердила.

— Да, говорю тебе, это ты сам себя и ранил. Ты

же мне об этом писал… скажи еще, что ты этого не писал…

— И что? — спросил он.

— Я переслала твое письмо полковнику, да, я ему его отправила. Ну что съел, теперь-то ты, надеюсь, захлопнешь свою гнусную пасть, заткнешься наконец.

— И не подумаю, ничего я не закрою и никогда не заткнусь, грязная ты уебищная дешевка… и не надейся. Я скорее сортиры буду вылизывать, слышишь меня. Пускай мне лучше брюхо вскроют ножом для сардин, но под тебя, блядина, я подстраиваться не стану…

— Давайте, я вас провожу, господин Каркас, — сказала мадам Арнаш.

Она так ничего и не поняла, она считала, что они просто немного поспорили…

Анжела уселась рядом с моей матерью.

Снаружи в это время проходил кавалерийский полк.

Зазвучал духовой оркестр. Мне показалось, что мадмуазель Л'Эспинасс тоже к нему присоединилась, взяла трубу и что есть сил дует в нее со своими зачесанными вверх в виде каски волосами. Над нотами возвышается каска тройного размера. Выглядело это ненормально.

— Каскад, произнес я, — Каскад, — повторил я еще раз… — Да здравствует Франция! Да здравствует Франция!

И тут я рухнул на пол. В столовой все замерло, даже пение Каскада. Весь дом целиком, от подвала до чердака, наполнился исключительно моими шумами, а снаружи раздавались сигналы к атаке проходившей через Большую площадь кавалерии. Рынок обстреливали крупными снарядами 120 мм. В глубине души я понимал, что опять брежу. В какой-то момент я даже снова увидел конвой и мой маленький отряд, и исполнился решимости следовать за ним. Ле Дрельер махал мне рукой, отважный Ле Дрельер… он пытался, что-то сделать… я тоже… [Я бежал, бежал… а потом я упал.]

* * *

По прошествии стольких лет, чтобы что-то вспомнить, приходится делать над собой усилие. Все, что рассказывают люди, в большинстве случаев оказывается ложью. Всегда есть такой риск. Это поганое прошлое растворяется в грезах. Попутно оно всячески прихорашивается, прихватывает с собой несколько маленьких изящных прелюдий, хотя никто его об этом не просил. В

итоге оно возвращается к вам в гриме из плача и раскаяния, жеманно кривляясь. Это несерьезно. И тут нужно прибегнуть к помощи члена, не откладывая, чтобы окончательно не запутаться. Необходимо действовать решительно и по-мужски. У тебя жестко встает, но ты сдерживаешься и не дрочишь. Вся страсть ударяет в голову, если так можно выразиться. Пуританский поступок, зато эффективный. Прошлое отымели, на какое-то мгновение оно предстает перед вами в подлинных красках, черных, белых, даже точные жесты людей всплывают в памяти и еще множество неожиданных деталей. Эта сволочь всегда опьяняется забвением, прошлое — настоящая пропойца, которая так и норовит заблевать ваши старые, уже сложенные по порядку в стопку гнусные делишки на протяжении всего вашего жалкого существования, пока лицемерная смерть не заберет их вместе с вами в могилу. Но в конечном счете со всем этим должен разбираться я сам, наверняка скажете вы мне. Вот как там в реальности все сложилось, или точнее даже развалилось после того, как меня привели в чувство, и я снова очутился в госпитале.

До того я даже проводил своих родителей на вокзал, а то им уже и приткнуться было негде.

Пошатываясь, но сходил туда, я сам на этом настоял. Каскад тоже пошел и меня поддерживал, поскольку он на своих конечностях все же мог ковылять самостоятельно. Кюре и Л'Эспинасс отправились к себе. Анжелу никто не видел. Она свалила через кухню. Больше всех только что увиденным и услышанным был напуган мой отец.

— Ну давай же, Клеманс, давай скорее, — подгонял он мою мать, которая после длительного сидения хромала почти так же, как Каскад, — идем быстрее, у нас остался всего один поезд в одиннадцать.

На нем вообще лица не было. Именно он первым оценил всю серьезность ситуации. Меня слишком отвлекали мои шумы, а Каскад все еще не расстался с ролью пофигиста, которого ничем не проймешь. Через каждые двадцать метров нам приходилось дожидаться прохода войск. В результате мы прибыли на перрон практически к самому свистку. А потом мы остались вдвоем. Нужно было побыстрее возвращаться в Деву Марию.

— Ну что, идешь? — на всякий случай спросил я у Каскада.

— Конечно, — ответил он. — Или ты думаешь, что я собрался на гулянку?

Я молчал. В палате все уже были в курсе последних событий, мне хватило одного взгляда на играющих у себя под одеялами в пикет[26] бойцов, чтобы это понять. Между собой они ни о чем особо не говорили, но нас никто не расспрашивал о свежих новостях, как раньше всегда бывало, когда мы возвращались, никто даже жопами, какие мы видели в кафе и на улице, не поинтересовался, что уж совсем было не похоже на настоящих бравых вояк. Полная тишина.

Один только Антуан, тщедушный санитар с юга, лежавший в гипсе рядом с дверью, меня просветил, когда я пошел отлить и проходил мимо него.

— Послушай, тут пара легашей из армейского корпуса заходили и интересовались, где Каскад, сказали, что им нужно с ним поговорить… ты не знал?..

Как только я вернулся, я сразу разу же сообщил об этом Каскаду. Он никак не отреагировал.

— Ладно, — сказал он. Наступила ночь. Выключили газ.

Я думал о том, что копы, ясное дело, уже готовятся и наверняка заявятся на рассвете, чтобы

---

[26] Примечания: 26
Пикет — карточная игра для двух игроков.

его забрать. В девять зазвонили колокола, потом раздался выстрел из пушки, не так уж и далеко, за ним еще один, а дальше ничего. Только привычный гул конвоя грузовиков, прерывающийся на кавалерию и отчетливый скрип сапог пешедротов, казалось, со стен все выше и выше начинают соскребать штукатурку, если шел батальон. Гудок со стороны вокзала. Мне необходимо было упорядочить все это у себя в голове, чтобы как-то заснуть, я должен был изо всех сил вцепиться в подушку, собрать всю свою волю в кулак, перестать думать о том, что мне уже никогда не удастся заснуть, чтобы соединить все свои шумы, подпитывающиеся от батарейки в ухе, с теми, что доносились до меня снаружи, и тогда, наконец, мне, возможно, удастся на час, два, три погрузиться в забытье, все происходило так, будто ты раз за разом приподнимаешь непомерно тяжелый груз и тут же бросаешь его, снова и снова переживая столь же непомерно тяжелое поражение, когда ты полностью сломлен и думаешь лишь о том, как бы побыстрее сдохнуть, а потом опять возвращаешься к тяжести сна, в точности как загнанные в канаву охотниками кролики, которым уже оттуда не выбраться, и они даже и не сопротивляются, но все равно продолжают барах-

таться и все еще на что-то надеяться. Нет пытки мучительнее, чем погружение во вселенную сна.

Утро началось с временного прекращения огня. Слабые отголоски взрывов, и все. Санитарка принесла сок. Я заметил, что она как-то странно смотрит на Каскада. Наверняка ей было что-то известно. Это была совсем юная девица из монастырских. А наша Л'Эспинасс куда-то делась. Ее срочно вызвали в операционную, как нам сказали. Я невольно задумался, какая роль ей отводилась в том, что готовилось. После кофе Каскад отправился в туалет, а когда вернулся, сел играть в пикет с Жирдяем, так прозвали сердечника, который лежал сразу за койкой паренька слева. На самом деле Жирдяй вовсе не был толстым, а ноги и живот у него раздулись из-за сердца и альбумина. Причина была в них. Что и приковало его к койке на три месяца. А когда вздутие у него внезапно спадало, его вообще невозможно было узнать. Однажды он этим даже воспользовался. Каскад выиграл у него четыре партии подряд, хотя Каскад обычно никогда не выигрывал. Увидев это, Камюзе, калека на костылях, пришел в дикое возбуждение и предложил ему сыграть в

манилью[27] с двумя овцеебами в перевязочной, пока санитарки будут завтракать. Там это было запрещено. И снова Каскад у всех все выиграл. Это был феноменальный результат. Унтер-офицер из соседней с Сен-Гревен палаты, который туда случайно зашел, жаждал продолжения. Он увел его к другим унтер-офицерам, чтобы тот сыграл с ними в покер. И Каскад продолжил свою победную серию. Когда наконец он закончил играть и поднялся на ноги, он был жутко бледным.

— Как же мне паршиво, — сказал он.

— Да брось, ты в порядке, — отреагировал я. — Все образуется.

Нужно было как-то его подбодрить. Но он не разделял моего оптимизма. Мы снова легли в ожидании обхода. Мекоций явился с двумя фифами со стороны и каким-то субъектом в штатском, которого раньше здесь никто не видел. Когда он остановился возле кровати Каскада, тот обратился к нему с просьбой:

— Господин, майор, — сказал он, — я хотел бы, чтобы мне отрезали ногу. Она теперь только мешает мне при ходьбе.

Мекоций явно смутился, хотя обычно он нико-

---

[27] Примечания: 27
Манилья — карточная игра.

гда не отказывался что-нибудь отрезать.

— Необходимо немного подождать, мой мальчик… Не стоит так спешить…

Но было видно, что Меконию пришлось сделать над собой серьезное усилие. Раньше бы он такого ни за что не сказал. Ушлёпки вокруг тоже считали, что на него это не похоже. Все это было чрезвычайно подозрительно.

Проявив инициативу, Каскад снова улегся в койку.

— Пойдем? — предложил он.

Мы по-быстрому запихнули в себя какую-то хавку на кухне, это был рис, и пошли.

Я думал, что мы идем в Гиперболу, но он не захотел.

— Пошли лучше за город, на природу.

Нога ногой, а шел он довольно быстро. Главное было не нарваться на жандармов. В последнее время они совсем озверели и гребли всех подряд. Если у тебя отсутствовало оформленное по всем правилам разрешение, события неизменно принимали драматический оборот, и Л'Эспинасс всякий раз приходилось лично тащиться в жандармерию нас вызволять. Английские легавые были особо въедливыми, а бельгийские еще хуже. Мы продвигались вперед, как по простре-

ливаемой местности, от укрытия к укрытию, и в конечном итоге очутились, как он выразился, на природе, а точнее вышли за пределы города со стороны деревни, где гораздо меньше ощущалась близость фронта. Спокойное место, чего уж там. Здесь практически не было слышно пушек. Мы уселись на насыпи. И огляделись по сторонам. Чем дальше от нас, тем больше солнца и деревьев, словно там уже наступило лето. Но пятна от плывущих вверху облаков подолгу задерживались на свекольных полях. Красивое зрелище, ничего не скажешь. Переменчивое северное солнце. Канал слева с сонной водой под трепещущими на ветру тополями. Он что-то шептал внизу, проходя зигзагом между холмов, а затем устремлялся дальше в направлении неба, окончательно впадая в его голубизну возле самой высокой из трех поднимавшихся над уровнем горизонта труб.

Я бы мог прервать молчание, но сдерживал себя. Мне хотелось, чтобы после случившегося вчера он заговорил первым. И фокус с картами тоже нуждался в разъяснении. Хотя вряд ли он мухлевал. Скорее просто везение.

Было видно, как за одной из оград копошатся [рабочие], в основном старики и все монахи. От работы никто не отвлекался. Все сосредоточенно

обтесывали бревна. Это был сад при их головной конторе. Больше всего оживляли пейзаж мелькавшие то там, то тут вдоль борозд поднятые кверху зады крестьян. Они копали свеклу.

— Ну и здоровенная же она в окрестностях Пердю-сюр-ла-Лис, — заметил я.

— Пошли, — сказал Каскад, — глянем, что там впереди.

— Где еще там впереди? — спросил я с удивлением.

Мне казалось, что нам сейчас не до ознакомительных экскурсий.

— Далеко я не пойду, — сразу предупредил я.

Как мы смотрели прямо перед собой, так туда и отправились. Город остался у нас за спиной.

— Но это же все равно что свинтить, — сказал я, — мы просто не успеем вовремя вернуться.

Он молчал. А я думал только о том, что теперь, когда у меня имеется медаль, мне совсем не хотелось бы стать дезертиром.

— Еще километр, — сказал я, — и я поворачиваю обратно.

Между тем я уже успел дважды блевануть, пока мы шли.

— Что-то ты разблевался, — заметил он.

Он мог бы мне и посочувствовать. Ну да ладно.

Намеченную тысячу метров мы так и не прошли. Примерно через триста из сторожевой будки вылез какой-то клоун с мушкетом наперевес, на который был насажен штык, прямо зверюга.

Он довольно долго на нас орал, но потом все-таки поинтересовался, куда мы идем.

— Просто хотим прогуляться по деревне.

Он нас совсем не напугал. Наконец он поставил оружие на ногу и пояснил нам, что дожидается прихода целой армии, которая должна подойти по этой дороге в качестве подкрепления, поскольку немцы находятся практически уже у подножья холмов, в том самом месте в конце долины, где обрывается канал.

А через три, максимум четыре, часа начнутся бомбардировки, в том числе и по нам, если мы здесь останемся. Так что нам нужно побыстрее сваливать.

Сваливать — так сваливать, мы поковыляли. Но там повсюду были ограждения. И мы пошли по каналу, после только что услышанного так было надежнее. В общем, мы тупо блуждали кругами и все из-за идиотских заёбов Каскада. Мы снова усаживаемся, теперь на берегу. И тут мой приятель прямо на глазах мрачнеет и подходит к воде.

— Это же смешно, — говорю я ему, чтобы немно-

го разрядить обстановку и снять напряжение, в котором мы пребывали со вчерашнего дня после незабываемого обеда у г-на Арнаша. — Смешно так переживать из-за того, что пока еще никак не подтверждено, ты даже не знаешь, сделала ли на самом деле Анжела то, о чем говорит, а уже готов на стену лезть от отчаяния… Она любит покрасоваться, поэтому, я уверен, она выложила все это на публике исключительно, чтобы тебя унизить… а письмо лежит у нее в кармане.

Выслушав меня, Каскад скривился в нарочито презрительной усмешке.

— Да тебе надо лечиться в таком случае… ты совершенно не понимаешь, как это работает, когда люди хотят достать друг друга…

Я не понимал. Спорить я не стал. Я свое мнение высказал, и ладно. Но у меня еще оставались деньги от родителей, двадцать пять франков, и столько же, от Анжелы, разумеется, было у него.

— Я схожу за бухлом, — предлагаю я.

— Тащи три литра, тебе это пойдет на пользу. Говорит он мне.

Бистро находилось рядом с каналом, но уже в черте города. На дорогу туда и обратно мне требовалось где-то около четверти часа.

— Может, пойдем вместе? — спросил я его.

— Я не хочу, — ответил он. — Лучше схожу гляну, не найдется ли удочки в шлюзе, и тогда порыбачу.

Я спокойно ухожу, думая о своем. И вдруг у меня за спиной громко так раздается плюх! по воде. Я даже еще посмотреть не успел, но уже все понял. Я оборачиваюсь.

И там возле шлюза бултыхается здоровенный тюк, конечно же, это был Каскад. Кроме нас ведь на канале никого не было.

— Ты что, утопился? — завопил я.

Не знаю почему. Тоже, наверное, интуиция подсказала. Из воды в том месте торчали его голова и обе руки. Он вовсе не утопился. Он запутался в тине. Я возвращаюсь. И тут уж я от души над ним поизмывался.

— Ну ты и лоханулся, уебище ты недоделанное! Надо же было так лохануться. Ты опять весь в дерьме, и меня это уже достало.

Да уж, Каскад выглядел полным дебилом. К счастью, мы там были одни, а то нас бы могли еще и прищучить.

— Здесь нельзя утопиться, придурок, здесь же мелко. Я забыл тебе сказать…

Наконец он вылез в траву на берег, ему это удалось далеко не сразу из-за больной ноги.

— Ты не утопился, но у тебя есть шанс подохнуть от голода и холода, — сказал я ему. Он не спорил.

— Вали за ромом и отъебись от меня.

Таким был его ответ. И я снова отправился за бухлом. На сей раз я принес целый литр рома, литр пива и два литра белого вина, а также три бриоши размером больше головы. Мы устроились под тополем. Нажрались мы под завязку. Насытившись, мы почувствовали себя гораздо лучше, ну это понятно. Оставалось только высохнуть.

— Я бы хотел поудить рыбу.

— Я не умею, — сказал я.

— Я тебе покажу.

В какой-то момент я внезапно ощутил, что по-настоящему опьянел. Я опять отправляюсь по берегу в бистро, но уже за удочками. Мне их там дают, а заодно и червяков, целую коробочку. Мы выпиваем еще по одной, и принимаемся за дело. Закидываем поплавки.

И не успел он забросить свою удочку, как вытаскивает настоящую щуку, а следом и еще несколько маленьких рыбешек, достаточно, чтобы заполнить корзину. Я же, естественно, ничего не поймал. Удача всегда на его стороне. К пяти часам в бутылках больше ничего не осталось. А

после шести начинает темнеть.

— Нужно отнести рыбу, — сказал он.

И вот мы опять в пути. До Девы Марии мы добрались без помех.

— Что за чудесная рыбалка, — воскликнула сестра-повариха, которая по совместительству была еще и курьером.

Мы ничего не стали ей говорить. И все же в таких условиях опьянение долго не длится. Стоило мне один-два раза поблевать, и я полностью протрезвел. Мы были слишком напряжены, не могли себе позволить расслабиться, так сказать. Тем более приближалась ночь. Ночью все погружается в непроглядный мрак, и тревога усиливается. Сперва суп, как обычно. А потом в постель, но не Каскад. Он курсировал по коридору между окном и сортиром. И в тот самый момент, когда консьержка убавляла газ, переводя светильник в режим ночника, с обходом явилась Л'Эспинасс, которая прошла у него за спиной, сделав вид, будто его не замечает, после чего ненадолго задержалась передо мной.

— Это же вы, — сказал я ей. — Это вы?

Она ничего не ответила. Она простояла так еще где-то около минуты, наверное, после чего словно растаяла в темноте.

И тогда окончательно наступила ночь.

Каскад так и не стал ложиться, вместо этого он уселся на кровать. Мало того, он начал читать, он, кого раньше вообще никогда за чтением не видели. Он подсвечивал себе свечкой. Его сосед рядом и тот, что лежал напротив, были недовольны, и так уже двое без остановки стонали, а еще один постоянно просился помочиться. Пришла дежурная санитарка и задула его свечу. Однако он снова ее зажег. Было уже почти одиннадцать. Он прочел все газеты. И стал рыться на столе в центре, так ему хотелось почитать что-нибудь еще. Он опять зажег свет. И тогда марокканец-артиллерист с циститом, который лежал перед дверью и, как и положено пахану, храпел громче всех, швырнул свой костыль через всю палату в направлении свечи. Каскад встает и собирается начистить ему мурло. Хорошо еще до смертоубийства не дошло. Мат-перемат поднялся такой, что хоть святых выноси.

— Ладно, — говорит наконец Каскад, — раз так, тогда я пойду читать в сортир, там, по крайней мере, я не буду видеть ваши свиные рыла, а вы продолжайте дрочить, не останавливайтесь, не стану вам мешать, сборище пидорасов.

Он это сказал. И вот тут уже вмешивается ста-

рик обозный из 12-го, таких брали только в РТА[28], который лежал в дальнем углу с диабетом. Он поднимается с постели и с размаху кидает свою утку прямо поверх ряда из двадцати двух коек. Обрызганы были вообще все. Утка же угодила в окно. Прибежали две сестры, все притихли. А потом опять все по новой. В итоге Каскад, который все еще там оставался, [сваливает]:

— Спать я больше не хочу, — говорит он. — И пошли вы все на хер.

Он снова пытается зажечь свечку.

— Иди подставь лучше жопу, долбоеб, хе-хе, хоть бы этого урода поскорее расстреляли, чтобы он больше здесь не отсвечивал.

Вот как он им надоел.

После этого Каскад действительно отправился в сортир и сел там, потому что светильник в одной из кабинок горел всю ночь.

Было где-то около часа ночи.

— Слушай, Фердинанд, у тебя ничего нет почитать?

Я поискал в комнате санитарок. Я знал, что они хранили книжки в коробке из-под шляпы.

---

[28] Примечания: 28

РТА — Резерв Территориальной Армии, куда набирали мужчин предельной возрастной категории.

Нашлись *Занимательные картинки*[29]. Там лежали целые подшивки. Каскад забрал все, ничего не оставил. Он стал заядлым читателем, надо сказать.

— Прикрой дверь, — сказал я, — вдруг кто-нибудь придет…

Он закрывает дверь. Проходит час, второй. Он по-прежнему сидит там, закрывшись, я предпочитаю не вставать, опасаясь, что опять поднимутся вопли.

Наконец над крышей напротив начал потихоньку заниматься рассвет… той, что была украшена множеством цинковых кружев.

И вдруг какой-то голос заставляет всех буквально подскочить на месте, это был совсем не громкий, похожий на женский, что странно для жандарма, но одновременно чрезвычайно настойчивый и не терпящий возражений голос из коридора перед входом в палату Сен-Гонзеф:

— Здесь у вас находится рядовой Гонтран Каскад из 392-го полка инфантерии, не так ли?

— Он в сортире рядом с вами, жандарм, — громко выкрикнул в ответ артиллерист, лежавший по эту сторону дверей.

---

[29] Примечания: 29

Занимательные картинки — имеется в виду французский еженедельник для детей начала прошлого века *Les Belles Images*.

Хлопнула дверь.

Каскад вышел. Раздались звуки защелкивающихся наручников щёлк, щёлк.

Там был еще один легавый, который ждал в конце коридора.

Мы даже не успели толком увидеть Каскада, его лицо точнее. Было еще слишком темно.

Через четыре дня его расстреляли в военном городке под Пероном, куда на четырнадцать дней был направлен передохнуть его 418-ый пехотный полк.

* * *

Меня уже задолбали все эти придурки в палате с их ратными подвигами. С того самого момента, когда стало известно, что Каскад в итоге был расстрелян, их словно заклинило на россказнях о своем бесстрашии. Внезапно все вокруг стали героями. Они, можно сказать, искали себе оправдание за то, что так по-скотски с ним обошлись в его последние часы. Его же тогда обсирали. Прямо никто о нем не говорил, но это их преследовало, я прекрасно видел. Служивший в обозе Жибун, тот самый, кому приходилось менять штаны всякий раз, когда в полдень над нашей лачугой пролетал самолет, на все лады расписывал свое

пустяковое ранение. Минимум три пулемета прошили очередями его задницу. Не отставал от него и Аблукум, конник арабской кавалерии с фурункулами, все проблемы которого сводились исключительно к его фистуле, а под настоящими пулями он вообще никогда не был, что не мешало ему утверждать, будто в Марокко он в одиночку взял штурмом целый лагерь туземцев, просто ослепив их фонариком и громко вопя. Они испугались, по его словам. И весь этот бред они начали генерировать именно из-за Каскада. Я думаю, что у многих из них на душе было довольно паршиво. И эти байки помогали им справляться с тяготами жизни. У меня, в отличие от них, имелись настоящая медаль и солидный приказ, но я все равно не чувствовал себя в безопасности. Тут за неделю с тобой столько всего происходит, на что обычно требуются месяцы. Нужно быть предельно внимательным и осторожным, если ты не хочешь, чтобы тебя расстреляли во время войны. Можете мне поверить.

Как бы то ни было, они мне завидовали. Хотя я ничего не выпячивал. Я надевал ее только перед выходом в город. Теперь, когда Каскада не стало, меня больше некому было поддержать, если у меня вдруг начинала кружиться голова.

С другими доходягами я не особо закорешился. Слишком уж много у нас на хате развелось мудачья. Каждый в той или иной степени мнил себя героем, но все были жуткими лицемерами. Ни слова про Л'Эспинасс, а лазарета внизу для них будто и вовсе не существовало, одно только это уже о многом говорит. Если кто-то решил тебе что-нибудь отдать, значит, ему просто лень было тащиться на помойку. Болтают без умолку или в крайне тяжелом состоянии — все себе на уме. Даже их агонии нельзя было доверять. Я сам видел, как самые ушлые из них, стоило прийти Л'Эспинасс, начинали ломать комедию, изображая умирающих. Реально такое было. А уж эту шлюху я хорошо успел изучить, какое бы возвышенное неземное создание она из себя ни строила, я достаточно насмотрелся, как она лапала наиболее беспомощных и ловила кайф от якобы полезных для здоровья зондирований, и в итоге пришел к выводу, что, возможно, она даже и правильно себя вела. Она, по крайней мере, знала, чего хочет, в отличие от остальных. Благодаря Л'Эспинасс с ее странностями, я и сам тоже стал чувствовать себя увереннее. Когда она вечером приходила, чтобы меня поцеловать, я с силой засовывал ей между десен свой язык. Я намеренно старался сделать

ей больно. Я знал, насколько это чувствительно. Но я заметил, что ей это нравится, я же наблюдательный. И это значило, что она начинает ко мне привязываться. Однажды она мне процедила:

— Фердинанд, я договорилась с руководством на площади. У вас серьезные проблемы с ухом, поэтому до начала заседания совета кавалерии, на котором будет решаться ваша дальнейшая судьба, вам позволили переселиться в небольшой домик в глубине нашего сада. Там уже поставили для вас кровать, вы сможете там лучше высыпаться, чем здесь. Никто вас не побеспокоит…

Надо было это слышать. Я сразу узнал свою малышку с ее коварством, изворотливостью и прочими не менее уникальными качествами. Только ей могло прийти в голову изолировать меня у себя в домике. Итак, я переезжаю. Уступаю место другому.

— Вы никогда меня больше не увидите, уроды. Скоро вы все вернетесь в траншеи. И я непременно схаваю вас на обед, когда вы станете удобрением и превратитесь в овощи на окрестных свекольных полях там внизу.

Мои слова их развеселили. На шутки они не обижались.

— Дерьма лучше у себя из жопы поешь, говно-

ед, э, медаль только свою не потеряй в сортире, мудила.

Око за око, как говорится.

Я собираю вещи. Обхожу вокруг домика. Это было правильное решение. Место производило впечатление безопасного, находилось [именно] в глубине сада. Вполне себе изолированно. Ничего не скажешь. Жратву мне приносили. И я мог выходить, как она и сказала, с десяти до пяти.

Я иду по узким улочкам. Когда меня прихватывает, незаметно блюю под арками. Линия фронта, похоже, проходила теперь в сорока километрах везде, и спереди, и сзади. Я невольно начинаю прикидывать, куда бы я мог податься, если бы вдруг свалил. Повсюду смерть и разруха, говорил я себе. Пришлось бы пробираться за границу, подальше от этой бойни. Но у меня не было ни бабок, ни здоровья, ничего. Вряд ли на свете есть что-либо более отвратительное, чем месяцами наблюдать за непрерывными потоками перемещающихся по улицам отрядов мужчин в разнообразной униформе, как их рассортировали, подобно связкам сосисок, на хаки, резервистов, голубых, бледно-зеленых, для ускорения процесса еще и водрузив это мясо на колеса, и толкают в огромную мясорубку, предназначенную для пе-

ремалывания кретинов. Все это ни на секунду не останавливается, тут слышно пение, там квасят, потоки растягиваются в длину, кровоточат, снова кто-то квасит, скулит, вопит, в воздухе ощущается запах гнили, начинает моросить дождь и наконец появляются первые всходы пшеницы, а тем временем новую партию придурков подвозят на корабле, который нетерпеливо гудит, спешит всех высадить, лавирует на воде, как огромный дельфин, поворачивается кормой, великолепный корабль в окружении бурлящих водоворотов, и вот уже он, рассекая разлетающиеся на мириады брызг волны, устремляется забирать других… А придурки всем довольны, у них всегда праздничное настроение. Что ж, чем больше их утилизуют, тем лучше будут расти цветы, я считаю. Без дерьма не было бы и хорошего вина. Пей до дна!

Чем я рискую, если зайду в Гиперболу? Да ничем. Заодно поделюсь новостями с малышкой Дестине, вдруг она еще ничего не слышала. Однако Анжела ее уже проинформировала. Анжела так и не уехала из города. Нет. Здесь она уже обзавелась нужными знакомствами. Так что меня это не удивляло. На Большой площади яблоку негде было упасть, настоящее вавилонское столпотворение. Одни сидели на головах других.

На перекрестках даже установили специальные мостики, чтобы можно было проходить над людскими потоками. Каждый день приносил новые потери из-за бомбардировок, да и солдатни тут было полно, но никогда еще в этих местах столько не зарабатывали. На рынке творилось что-то чудовищное. Из-за цветов так и вовсе чуть ли не дрались в очередях. Никогда бы не подумал, что букеты могут быть так востребованы во время войны. Оказалось, они много для чего нужны. В случае атаки с воздуха звучала сирена, и все, естественно, прятались в подвалах. Что тут начиналось, словами не передать. Я сам стал свидетелем, как батальон в полном составе оккупировал Гиперболу на целый час, пока длилась тревога. Они опустошили все запасы, не оставили после себя ни капли. Даже кристалл[30] весь вылакали, я ничего не придумываю. Пушку 75 мм водрузили у нотариуса, так он решил себя обезопасить, лошадям пришлось тащить ее к нему на второй этаж. Вот. Можете себе представить, до каких крайностей доходило.

---

[30] Примечания: 30

Кристалл — имеется в виду шампанское торговой марки Cristal, употребление которого из-за его высокой стоимости принято считать своего рода знаком исключительности и привилегией представителей высших слоев общества.

В спокойной обстановке Анжела, теперь уже безутешная вдова, выходила на улицу. Я не сразу решился к ней подойти, а она, как и раньше, ошивалась возле английского штаба. Как раз по диагонали от занавески Гиперболы, из-за которой я за ней наблюдал. Дестине поначалу вообще ничего не поняла, просто с Каскадом случилось несчастье. Это все, что она смогла для себя уяснить. Она искренне плакала, вспоминая о нем, совершенно не врубаясь, что именно произошло. Жила она по-прежнему с Анжелой в одной комнате над кафе, поскольку так уж вышло, что та изначально у нее поселилась. И потом, она, конечно же, сильно уставала, ей ведь приходилось разносить выпивку и аперитивы цистернами, потому что она, Дестине, одна должна была обслуживать все тридцать пять столов в Гиперболе, до десяти часов вечера с шести часов пятнадцати минут утра, таков был ее график. Да еще и Анжела, которая, как я позже узнал, была просто невероятной развратницей, повадилась ее сосать, если та по возвращении домой ее там заставала, вынуждая кончать по два-три раза. То, что Дестине валилась с ног от усталости, ее особенно заводило, так как Анжелу больше всего вдохновляла именно сложность задачи заставить

ее получить удовольствие. Вот такое безумие.

Наверное, это было не слишком правильно с моей стороны подходить к Анжеле после случившегося, но она, заметив, что я приближаюсь, совсем не удивилась. Чтобы поговорить, мы отправились в другое кафе. Я не решался ее упрекать. А она даже меня подзадоривала. Мне бы хотелось, конечно, услышать от нее какое-нибудь объяснение. Однако она вообще не затрагивала эту тему в разговоре. В конце концов я перестал думать о Каскаде и подсел к ней поближе, чтобы немного ее потискать. Она не возражала. С моей рукой это было непросто, я едва сдерживался от крика, стоило мне ее слегка напрячь, а мое ухо наполнялось шумом и готово было лопнуть от прилива крови к моей физиономии. И тем не менее у меня вставал, это было главное. Мои раны кровоточили, но я все равно представлял себе ее напрягшийся в ожидании зад. Жизнь снова ко мне возвращалась. Милая Анжела. У нее были совершенно черные бархатные глаза, полные томной нежности, совсем как в песне Каскада, которую он уже больше никогда не споет. Только она одна была мне на свете нужна[31]. И она,

[31] Примечания: 31

Селин опять здесь цитирует песню «Je sais que vous êtes jolie» (Я знаю, что вы хороши).

кстати, оплачивала все бухло. Я больше не хотел просить деньги у моих родителей. Одна только мысль об этом вызывала у меня отвращение.

— Ты прав, — подбадривала она меня.

Я видел, как она уходит вдаль по Большой площади. Она шествовала между отправленными сюда на отдых батальонами как спустившаяся с небес богиня радости и счастья. Ее изящно вихлявшая задница являла собой полный контраст с неподвижно распластавшимися вокруг ста тысячами килограммами вонючих тел двадцати тысяч до смерти измотанных мужчин. Кое-где на площади стоял такой смрад, что, проходя там, она невольно ускоряла шаг. После чего она приостанавливалась, чтобы припудриться, она обожала это делать и не упустила возможность застыть в кокетливой позе возле штаба генерала В. У. Перселла. Около одиннадцати генерал В. У. Перселл обычно выезжал в своем запряженном двумя гнедыми кобылами желто-фиолетовом кабриолете проверить траншеи. Он сам управлял лошадьми и не считал это зазорным. Это был светский человек. За ним на значительном расстоянии следовали два офицера верхом, майор-ирландец В.К.К. Олистикл и лейтенант Перси О'Хейри, всегда весь такой изнеженный, нервный, совсем как

юная барышня.

У Анжелы был один трюк — снять английского офицера, именно брита и непременно из высшего общества, такие обычно особенно трясутся, как бы их не застукали во время траха. Я узнал об этом уже на следующий день или чуть позже. Я не просил ее разрешить мне поучаствовать. Дело было довольно деликатное. Она сама мне предложила.

— Слушай, — сказала она, — здорово все-таки, что у тебя есть медаль, это как раз то, что нужно. Знаешь, о чем я вчера вечером подумала, когда лежала в постели с Дестине… Нет?.. Меня вдруг осенило, что у тебя очень убедительно получится, если ты поднимешь скандал… ты мог бы изобразить моего мужа… Я проделывала такое в Париже с «Додиком-рукожопом», все прошло на ура, лучше не бывает.

Я не стал ее перебивать.

— Итак, я раздеваюсь, ну как обычно, позволяю гаврику немного потереться об меня… И когда у него встает, становится по-настоящему твердым, я начинаю сосать… И тут в фатеру неожиданно входишь ты, без стука. Я специально оставлю дверь не запертой на ключ, чтобы все выглядело натурально. Я такая восклицаю: бля! это же мой

муж… И тогда англичане, ты же знаешь, какие у них становятся рожи в таких случаях… Был один, которого я обработала в Олимпии, так ему прямо плохо стало… Они сами предлагают тебе бабки, всегда именно они, тебе вообще даже делать ничего не надо, они сами все знают… Я уже проворачивала такое дельце с Додиком, и можешь мне поверить, все идет как по маслу… Нет бóльших дебилов, чем англичане, когда у них встает, и [несколько неразборчивых слов] амбалы… У них прям мозг отключается, когда они видят, как ты входишь. Они готовы на все, лишь бы заслужить прощение за свой проступок. Обхохочешься. И я иду на компромисс. Вслух я кричу и ужасаюсь, а в душе просто умираю со смеху. Это настоящее кино. Сам увидишь. Нет, если ты не хочешь, скажи… Но ты ни о чем не пожалеешь, и я еще не сказала, сколько тебе причитается…

— Гы! — говорю я.

Я тоже ничего не имел против равноправия в семейных отношениях. Меня уже достало сидеть без гроша, и моя башка раскалывалась от разнообразных идей, я был ими переполнен от уха до дырки в жопе, так мне не терпелось поскорее встать на ноги.

— Я мигом тебя вылечу. Трахну тебя, как тебе

и не снилось… Но ты должен быть паинькой, послушным хорошим мальчиком и постараться вылизать мне киску так, чтобы мне это понравилось… Мы же теперь муж и жена. А поскольку я на два года старше тебя, я буду давать тебе указания…

В этих словах было так много интригующего, я слушал ее, и мое воображение заставляло меня чуть ли не прыгать от радости. Я уже себя не сдерживал. Чем больше пороков, тем сильнее удовольствие. Иногда мысли о балагуре Каскаде все же мелькали у меня в голове, но потом я снова глядел на нее и обо всем забывал. В настоящем была только Анжела, только ее жопа. Именно в ней было спасение. Да и вообще это был не самый подходящий момент для сожалений. Я больше не собираюсь грузить себя всей этой высокодуховной хренью. Случившееся настолько глубоко меня потрясло, что невольно помогло мне скинуть с себя тяжелый груз совести, все то, что, можно сказать, годами вбивали мне в голову, и таким образом я даже извлек из этой ситуации определенную пользу. Ах! Если приглядеться, во мне действительно ничего такого не осталось. Как же это утомительно изо дня в день таскать с собой забитый всем этим хламом череп, а еще

хуже из ночи в ночь, когда в башке у тебя гудит и ты словно проваливаешься в бездну. Отныне я ничего не был должен человечеству, по крайней мере тому, в существование которого веришь, когда тебе двадцать и тебя донимают угрызения совести и прочие тараканы в голове, копошащиеся в беспорядочно сваленных в кучу вещах и идеях. Анжела прекрасно подходила, чтобы занять место моего отца, да даже и Каскада, в ней, я бы сказал, было еще что-то довоенное. Она любила оторваться, ей все время хотелось чего-то нового и необычного, границ для нее не существовало.

Ладно. Раз уж я взялся заменить Каскада, мне необходимо было с самого начала держать планку, в смысле быть гораздо более свободным от условностей. Немного поразмыслив, я решил двигаться вперед.

— Хорошо, — сказал я ей, — можешь на меня рассчитывать, я полностью в твоем распоряжении.

Она отвела меня в свою клетушку, а точнее туда, где жила Дестине, чтобы проинструктировать, как нужно действовать, ввела меня в курс дела, короче. Дверь, в которую я должен был постучать, находилась слева от кровати, посредине

между туалетом и сундуком. На самом деле за ней был гардероб, из которого жутко воняло потом. Клетушка имела совершенно нищенский вид, однако это, по ее словам, скорее даже возбуждало клиентов.

— Ну ты же понимаешь, роскоши этим людям хватает и у себя.

В качестве аванса она раздевается. Я впервые вижу ее в комбинации. В голом виде она слегка округлилась, нет, она совсем не полная, можно даже сказать, миниатюрная, изящная в целом, но крепкая. Я сразу же просекаю, в чем ее фишка. Помимо глаз ее главный козырь — это кожа. Кожа рыжих при дневном освещении на зацикленных на ебле маньяков действует гипнотически. Сила ее притяжения ни с чем не сравнима и воистину уникальна. Практически всем телкам мы способны в той или иной мере противостоять, изгибы и впадины на теле блондинок, бархатистая кожа брюнеток, они великолепны, пробуждают чувственность, влекут к себе, искушают потрогать, это же сама жизнь, и ощутить, как она слегка напрягается и вздрагивает от прикосновений твоих пальцев, настоящее райское наслаждение, иначе не скажешь. Оно безгранично, и тем не менее мы можем как-то себя сдерживать… А с рыжей

ты сразу становишься скотом. Это его выход, он ни в чем не сомневается, он нашел свою сестру, он счастлив.

Ну так вот, я сосу Анжелу, а она распласталась, как подстилка. Но и тогда во мне периодически начинало все гудеть, при каждой пульсации. Мне иногда казалось, что я сейчас сдохну. Тем временем она кончила один раз, потом — второй, фактически подряд. Для нее же это привычное дело. Я укусил ее за бедро изнутри. Чтобы заставить ее тоже немного страдать. И тут она действительно словила кайф. Однако мои возможности не безграничны. Я поднимаюсь и иду еще чуть-чуть поблевать. Вида я не подаю, будто просто отхаркиваюсь.

Оставалось еще отрепетировать трюк со стенным шкафом. Мы вновь окидываем взглядом Большую площадь, где продолжала бурлить жизнь, циркуляция мяса в промежутках между двумя сиренами не должна была ни на секунду прерываться. В штабе у англичан горел свет. Притом, что это было запрещено.

— Завтра, не забудь, ты должен быть здесь в час. Ты подождешь в комнате, пока я кого-нибудь приведу. Лучше, чтобы на улице нас вместе не видели. Как только ты услышишь шаги на лест-

нице, ты спрячешься и будешь наблюдать через щелку. Когда я разденусь, а он окажется в позиции, ты постучишь и решительно войдешь, вид у тебя будет удивленный… Дальше, сам увидишь, все пойдет по накатанной.

Я спешу вернуться к себе в домик. Там я находился в полном одиночестве в самом дальнем конце сада, и это тоже не добавляло мне уверенности. Готовиться и заранее прикидывать что-либо было бесполезно, поскольку я совершенно не представлял, что меня ждет. Эта Л'Эспинасс зашла, только чтобы сделать мне перевязку и закапать капли в ухо. Снаружи дул сильный ветер и шел дождь с грозой, а после ее ухода еще и собаки завыли. Легко представить, как все это на меня действовало.

Я весь скорчился, пытаясь заснуть. И опять мне приходится справляться со страхом, что заснуть у меня не получится, и я вообще больше не смогу спать из-за гула, который так и будет преследовать меня до самой смерти. Я повторяюсь. Но меня можно понять, такая уж музыка у этой песни. Ну и ладно, не будем о грустном. Завтра мне еще предстояло сидеть там внутри, между сундуком и туалетом, об этом я тоже все время думал. Долго мне ждать не пришлось, где-то не

больше часа. Звучит проникновенный и полный страсти голос, иначе не скажешь. Я всматриваюсь. Это шотландец, он снимает свою юбочку и вскоре остается нагишом. Он тоже рыжий, и здоровенный, как конь. Приступает он не спеша, не проронив ни звука. Такое впечатление, будто на нее взгромоздился гнедой жеребец. Ну а дальше все просто. Шагом, рысью, галопом, после чего он перепрыгивает через препятствие, поднимая жопу, еще через одно, чуть поменьше, у него чрезвычайно эффектно получается ее трахать. Лицо ее искажается в гримасе всякий раз, когда он ее протыкает. Я же говорил, что она была довольно миниатюрной. Она смотрит в мою сторону.

— Эй, эй, — произносит она.

Она начинает гримасничать еще сильнее. Она явно уже едва сдерживается и сейчас кончит, он тоже. Он так энергично впечатывает ее своей жопой, что она, можно сказать, буквально приклеилась к его животу, настолько сильно он на нее давит.

А от его рук на теле Анжелы просто невозможно оторвать глаз, как он ими орудует, это не руки, а настоящие клещи, широко расставленные, мускулистые, волосатые, как и все остальное, клещи. Я мог бы выйти в этот момент, изобразить

возмущение, ситуация для моего выступления была вполне подходящая. Кончив, он никуда не спешил, а так и застыл с торчащим пенисом, по-прежнему ничего не говоря, и просто отдувался, как атлет после стремительного забега. Но меня мучил вопрос, как он на меня отреагирует?

Тем временем, стоило ему отдышаться, как он опять вскарабкался на нашу крошку. Она еще не отошла от прошлого раза. А он снова ей вставил. Но она уже почти ни на что не реагировала, настолько неудержим был этот шотландец. Даже из глубины моего ящика были слышны пушки вдали, теперь громыхало еще и с другой стороны от города. У меня встал. В ушах шумело. Я едва не задыхался в своем закутке, особенно в согнутом положении, какое мне пришлось принять, чтобы за ними наблюдать. Порой я начинал всерьез волноваться, а не укокошит ли он в итоге малышку, с таким остервенением он вставлял ей между бедер, этот крепыш. Но все обходилось. Под конец она вообще перестала сопротивляться. Совсем вся обмякла. Только слега постанывала, и все! Он посадил ее себе на живот, а сам соответственно лег на спину. Она была очень бледная. А меня это зрелище так захватило, что я еще плотнее приник к двери, и тут вдруг она

распахнулась, прямо в самый разгар этого буйства, в непосредственной близости от них. Ну все, подумал я, мне конец. Такой бугай в два счета меня уделает… Но нет. Он и бровью не повел. А продолжил себе обрабатывать Анжелу. Даже еще энергичнее, как мне показалось, из-за того, что я на него смотрел. Признаюсь, такого я не ожидал. Малышка восседала на этом совершенно голом заросшем волосами типе, состояние у нее было близким к обмороку. На меня она тоже никак не отреагировала. Ее обессиленное тело ритмично сотрясалось от сопровождавшихся громким хрипением толчков. Вот что бывает, когда самец не трахается несколько месяцев! Оп! Он снова на нее взгромоздился и пустился в галоп. Она попыталась отстраниться от него и закричать. Но он едва не придушил ее своим ртом. Наконец он кончил мощнейшим и диким образом, аж со слезами на глазах и судорожно дергая ногами, словно ему самому засадили сзади в дырку в жопе.

Я по-настоящему испугался, что он ее сейчас раздавит, когда он спускал. На его ягодицах с двух сторон образовались глубокие борозды, так сильно он скорчился на бедняжке. А потом он вдруг полностью затих и обмяк, мертвец мертвецом, и оставался так совершенно неподвижно на ней

лежать минуты три минимум. Я не двигался. Он захрипел, а после посмотрел в мою сторону и очень дружелюбно мне улыбнулся. Без малейшего раздражения. Он опустил одну ногу на пол, и вот он уже стоит и одевается рядом с окном и попрежнему ничего мне не говорит. Потом роется у себя в кармане, достает один фунт и кладет его в руку малышке, которая все еще не пришла в себя и валялась на спине.

Нащупав фунт, она осматривает его, а затем переводит взгляд на нас с ним. Она явно удивлена. Шотландец снова надел на себя юбку, нацепил портупею и свой стек[32], вид у него чрезвычайно довольный. Он наклоняется, чтобы ее поцеловать, целует и уходит, не проронив за все это время ни слова. Дверь за ним бесшумно захлопывается. Этому амбалу все было до фени. Анжела с трудом встала на ноги. Она двумя руками ощупывает себе низ живота. И пошатываясь делает несколько шагов, чтобы помыть свою вульву в биде. Она охает и тяжело вздыхает, я тоже.

— Это было, как гроза, — сказал я, я же всегда остаюсь поэтом.

— Возможно, — ответила она, — но ты же про-

[32] Примечания: 32

Стек — гибкий легкий хлыст для вспомогательного управления лошадьми, который носили английские офицеры.

сто дебилом оказался.

Мне, как ни странно, было нечего ей возразить.

— Завтра, — сказала она, — ты не будешь ждать в чулане. Ты устроишься на противоположном углу, на террасе Гиперболы и оттуда будешь внимательно следить за окном, дожидаясь, когда я отодвину занавеску… ты же увидишь? После чего ты поднимаешься… В дверь ты не стучишь. А прямо сразу входишь. Ты понял?

— Да, — сказал я.

— Тогда вали.

Я хочу ее поцеловать.

— Слышь, на вот спермы его попробуй.

И она протягивает мне полную ладонь, столько из нее вылилось… Я не настаивал, мне не хотелось ее злить, я реально оценивал свои возможности.

Я провел не лучшую ночь. Я все время думал о том, что будет, если я снова облажаюсь с этой фигней со смачной еблей, как на это отреагирует Анжела. Анжела была для меня очень важна.

Из Пердю-сюр-ла-Лис начали эвакуировать больных и раненых, особенно тех, что уже могли ходить.

Оставаться в городе становилось все более опасно. На Большой площади из-за постоян-

ных взрывов царил полный хаос. Питьевой фонтанчик был сломан. К ней настолько уже пристрелялись, что проходившим мимо полкам то и дело приходилось сломя голову разбегаться кто куда по соседним улочкам. Еще на подступах к площади многие начинали паниковать так, будто они приближались к передовой, при этом вокруг ни на секунду не прекращалось веселье, поскольку кафе там работали до последнего. При мне один боец, зуав, заскочил в Гиперболу и устремился прямиком к стойке, подгоняемый дружным хором целой толпы пешедротов, которых крупнокалиберный снаряд только что уложил штабелями под арками. Этот тип, улучшив момент, решил заказать себе белое с сиропом! Опрокинул стакан. И готово. Так что там за столиками мы все находились под прицелом. Выпить можно было и не успеть. Лично я пас.

На следующий день еще и часу не было, как я подошел туда, где мне велела быть Анжела. Стою, жду, что будет. Вокруг было непривычно спокойно. Мимо проходила колонна моторизованных частей, тянулась бесконечная череда утопающих в пыли автомобильных конвоев, дребезжание малотоннажных грузовиков сопровождает все армии мира от начала до конца всех войн, стоило

затихнуть одному колесу, как начинало повизгивать другое, лязг спадающей цепи сменялся тарахтением барахлящих и глохнущих двигателей, две тысячи триста осей вопили, умоляя о смазке, в то время как улица все еще оставалась пуста в ожидании, когда окончательно смолкнет эхо недавней бомбардировки. [Неразборчивая фраза]. Проходит час. Так, думаю я, Анжела до сих пор не приступила к делу. Уже и время сиесты закончилось, когда англичане обычно трахаются, все-таки вечером они бывают слишком пьяны. Впрочем, люди возле английского штаба продолжали курсировать, причем все достаточно холеные. Толстые, старые, молодые, всякие, на своих двоих, верхом, а некоторые даже на автомобилях. Может быть, я уволен? — вот такие мысли роились у меня в голове.

Я прождал еще час. Ко мне подходит Дестине. Она ничего не знает. И я не собираюсь ей ничего объяснять. Она пытается со мной кокетничать. Пускай, мне не жалко.

Ага. Занавеска отодвигается, так и есть, на третьем этаже. Я кидаюсь туда со всех ног. Разумеется, я переполнен непреклонной решимости. У меня даже голова ни разу не закружилась. Второй этаж. Третий. В дверь я не стучу. И прямо

сходу вваливаюсь внутрь. Тип, который находился в постели на Анжеле, аж подскакивает. Это какой-то старпер, и на нем только штаны цвета хаки. Сверху по пояс он был голым. На его лице отображается ужас. Как и на моем, впрочем. Мы оба были испуганы. Анжела же вдруг внезапно развеселилась.

— Это мой муж! — несколько раз повторила она ему, давясь от смеха. — Это мой муж!

Свой член он быстренько прибрал обратно в ширинку. Руки и ноги у него тряслись. Меня тоже трясло, но он был слишком напуган, чтобы это заметить. Он боялся, и это придало мне уверенности.

— Money! Money![33] — говорю я ему наконец. — Money! — я трясся, но действовал решительно и [неразборчивое слово].

А наша Анжела все продолжала твердить:

— Мой муж! Да! Это мой муж! My husband! My husband![34]

Она по-прежнему лежала на кровати, раздвинув ноги, да и еще и жестикулируя, как долбанутая. Ей явно нравилось произносить

---

[33] Примечания: 33
Деньги! Деньги! (англ.)

[34] Примечания: 34
Мой муж! Мой муж! (англ.)

словосочетание с husband, это слово она хорошо запомнила…

— Ну этот просто зайчик. Врежь-ка ему по роже, Фердинанд, — подначивала она меня, перейдя на чистый французский.

Он и вправду был настоящим подарком для новичка вроде меня. День на день не приходится, как говорится. Я отвожу левую руку назад, но скорее для вида. И слегка хлопаю его по щеке. На самом деле, мне совершенно не хочется причинять ему боль.

— Двинь же ему как следует, придурок, — говорит она мне.

Я повторяю. Мне не сложно, он же не сопротивлялся. Судя по седым волосам, ему наверняка было не меньше пятидесяти. На сей раз я угодил ему прямо в носопырку. У него пошла кровь. И тут Анжела меняет пластинку. Она начинает плакать. А потом и вовсе бросается ему на шею.

— Защити меня, защити меня, — шепчет она ему. — А теперь возьми меня. Трахни меня сейчас. Давай, трахни меня сейчас, — тихонько говорит она, обращаясь уже ко мне, — ты совсем тупой, что ли. Трахни меня.

Я в нерешительности.

— Да делай же, что тебе говорят, уебок. Доста-

вай свой хуй.

Я его достаю. Однако она по-прежнему держит этого мужика за шею. Я обнимаю ее, а она обнимает его. Она принимает позу поудобнее, чтобы я мог ей вставить. Ее слезы льются ггрямо ему на лицо. Она кончает бурно фонтанируя. В результате он получил гораздо больший заряд эмоций, чем рассчитывал, можно не сомневаться. Он держится за свой нос. Она шарит в его ширинке. Мы все тяжело дышим.

— Теперь дай мне несколько пощечин, — приказывает она мне.

Ну тут уж я отвел душу. Отвешиваю ей дюжину таких, что и осла можно свалить. И он вдруг решает, что сейчас ее будут убивать.

— Нет! Нет! — протестует он.

Он кидается к карману своего мундира на стуле. И показывает мне бабки, целый комок банкнот.

— Не бери их, — говорит она. — Одевайся и сваливай.

Я застегиваюсь и привожу себя в порядок. А он продолжает настаивать, ему очень хочется, чтобы я их взял. Что именно он говорит, правда, я не слышал. У меня слишком шумело в ушах. Я направляюсь к ведру в туалете, чтобы поблевать. Он следует за мной и сочувственно, безо всякой

злобы, придерживает мою голову.

Анжела опять переходит на английский. Она ему все объясняет:

— My husband! His[35][честь] задета! Он очень переживает! Sick!..[36]

Она меня так рассмешила, что я чуть не захлебнулся блевотиной. Этот тип зарос волосами до самых плеч. Особо стоит отметить совершенно седую грудь. И надо было видеть его глаза, он прямо не знал куда их деть от стыда.

— Пардон! Пардон! — умолял он меня.

Я ушел, так и не подарив ему прощения, пострадала же моя честь, о чем тут говорить. Я проторчал на лестнице где-то полчаса. После чего вернулся в свою комнатушку, больше ждать я не мог. Я уже едва стоял на ногах. Только бы это прокатило, твердил я про себя.

Вскоре после супа Анжела пришла сама. Улыбка у нее на лице сразу меня успокоила.

— И сколько он тебе дал? — спросил я ее.

— Тебя это не касается, — отвечает она, — но все в порядке.

И все же я заметил, что она какая-то бледная.

---

[35] Примечания: 35
Мой муж! Его (англ.)

[36] Примечания: 36
Приступ тошноты! (англ.)

— Начнем с того, что этот англичанин не такой как все, он гораздо, гораздо лучше!

— А! — говорю я. — И с чего ты это взяла?

— Мы с ним поговорили, вот и все.

Она как бы дает мне понять, что я бы в таких тонкостях вряд ли разобрался.

— И что? К чему вы пришли?

— Так вот! Когда ты ушел, я сразу стала ему расписывать, какой ты жестокий! Как ты надо мной издеваешься! Как постоянно меня ревнуешь ко всем, какой ты маньяк и извращенец, ну и все такое!.. И чем дольше я говорила, тем больше он требовал новых подробностей… И тогда мне захотелось уяснить для себя, а так ли уж он богат на самом деле. Это всегда нелегко определить. Они же постоянно все врут, как только речь заходит о бабле… Но я все же хотела знать, стоит ли мне тратить столько времени на этого мудака, а он, представь себе, сразу предложил мне еще и поехать с ним в Англию…

— Ничего себе!

— А там, прикинь, он хочет на мне жениться. Сколько ему лет, по-твоему?

— Лет пятьдесят, наверное.

— Пятьдесят два, он показал мне свои документы, все. Я заставила его их мне показать. Он

инженер… Инженерные войска… И по профессии он тоже инженер, и даже лучше того, у него три завода в Лондоне, вот так вот.

Я видел, что она чрезвычайно довольна, Анжела, но еще более очевидно для меня было, что в итоге ее наверняка разоблачат.

— А как же я?

— Он на тебя не сердится, слышь, [задрот]! Я дала ему понять, что, в сущности, ты не такой уж плохой чел, если оставить за скобками твои серьезнейшие отклонения и склонность к насилию, все-таки ты пострадал на войне, что многое объясняет, поскольку ты был там очень сильно ранен в башку и ухо, и плюс ко всему, ты был еще и самым храбрым в своем полку, доказательством чего является твоя медаль. Он изъявил желание снова тебя увидеть… Ему бы хотелось и для тебя тоже что-нибудь сделать.

— Черт.

Я окончательно перестал что-либо понимать.

— Завтра в три встречаемся у выхода из бистро со стороны канала, ты же знаешь, неподалеку от шлюза. Ну все, счастливо подрочить, я побежала, мне надо успеть, пока Дестине не заперла дверь внизу, а то она боится темноты.

И она сваливает.

Встречи придется ждать целых пятнадцать часов, подумал я. Из дома я вообще предпочел бы не выходить. Все вокруг стало каким-то хрупким, стоило мне сделать несколько шагов по своей каморке, как мне начинало казаться, будто пол и мебель покрываются трещинами. В конце концов я решил совсем не двигаться. Просто ждать. Около полуночи в прихожей послышалось шуршание ткани, это была Л'Эспинасс.

— У вас все в порядке, Фердинанд? — интересуется она у меня из-за двери.

А тебе-то какое дело, подумал я. Что ты хочешь от меня услышать? И таким слабеньким голоском, будто сквозь сон:

— Все хорошо, мадам, — говорю я, — все хорошо…

— Ну тогда хорошего вечера, Фердинанд, отдыхайте.

Заходить она не стала.

На следующий день я иду по каналу мимо небольшой террасы перед кабаком. Направляюсь к шлюзу и располагаюсь где-то метрах в пятидесяти, укрывшись за тополем, чтобы меня не видели. Это мой наблюдательный пункт. Я стараюсь не привлекать к себе внимания. Хочу сначала просто посмотреть. Итак, я жду. Пока

ждешь, можно полюбоваться на природу. Первой приходит она, усаживается. Заказывает себе пиво с лимонадом. Необычная все-таки мода была в 14-ом году, продлилась правда совсем недолго. В 15-м уже стали носить нечто противоположное. Фетровая шляпка, напоминавшая каску, ее она надвигала на лоб, и вуалька, за которой ее и без того далеко не маленькие глаза становились еще больше. Даже здесь, на расстоянии, я ощущал гипнотическое воздействие ее глаз. Анжела определенно обладала способностью проникать в самые потаенные уголки человеческой души, иначе не скажешь.

Тут подвалил и ее придурок, этот английский «инжинир» совершенно незаметно подошел по бечевнику[37]. Оказывается, у него был еще и небольшой животик. Странно, но в одежде он вообще больше выглядел на свои пятьдесят лет, чем голый.

Как и все инженеры, он был в форме цвета хаки, хотя, судя по красной ленте у него на каскетке, служил он при штабе, плюс непременный стек и сапоги, стоившие пятьсот франков, не меньше.

---

[37] Примечания: 37

Бечевник — дорожка вдоль берега реки или канала, предназначенная для буксировки судов людьми или лошадьми на специальном канате, называемом бечевой.

Он садится напротив Анжелы, их взгляды встречаются, и они начинают беседовать. Дав им время вволю наговориться, наконец подхожу и я, сильно хромая, чтобы сразу было понятно, что я ранен. Теперь у меня есть возможность спокойно их рассмотреть, внешне он скорее к себе располагает и настроен очень дружелюбно. Мы рассаживаемся. Я устраиваюсь поудобнее. Он смотрит на меня прямо с нежностью, невозможно этого не заметить. Анжела тоже. Постепенно я начинаю чувствовать себя их ребенком. Мы заказываем четыре бутылочки пива и полный обед для меня. Эти двое меня балуют. Иногда я думаю о том, что вот здесь, прямо напротив, пытался утопиться Каскад. Я снова и снова вытаскиваю это воспоминание из тины своей памяти. Но вида я не подаю. Ничего не говорю. А Анжела, похоже, и думать о нем забыла. Майор интересуется моим именем. Я ему его называю. А он называет мне свое. Сесил Б. Перселл, его зовут майор Сесил Б. Перселл К.Б.Б. Он протягивает мне свою карточку, где это написано. Он из инженерного корпуса, о чем говорится в другом документе. Бумажник у него аж раздулся, едва не лопается от бабла. Я успеваю это заметить. С тем, что я увидел, можно двенадцать раз обогнуть земной шар и запутать

следы так, что вас вообще никто никогда не найдет.

— Слушай, Фердинанд. Дедуля хочет забрать в Англию нас обоих.

Со вчерашнего дня она называет его не иначе, как дедуля.

А он продолжает на меня глядеть, и глаза его становятся влажными. Он меня полюбил, что ж. Для нее тоже очевидно, что я ему нравлюсь. Пока все складывается удачно, ничего не скажешь.

Пространство по обе стороны канала без конца и без края утопает в лучах солнечного света. Лето в самом разгаре, как и наш праздник.

Еще одна бутылочка пива. Все вокруг желают мне только добра. Нас трое, мы безмятежно щебечем, тепло обнимаемся и клянемся друг другу в вечной любви и дружбе. Блеять у меня получается вполне убедительно, вид у меня уже достаточно пьяный. Мне больше не нужно напрягаться, накопившиеся во мне воспоминания и чувства изливаются из меня сами собой. Под напором потока музыки внутри меня я в мгновение ока транспонировался в эту сверхреальность.

Он запускает руку мне в волосы, этот К.Б.Б. Перселл. Он тоже не прочь пошутить. Все идет по плану. Анжела, надо отдать ей должное, отлично

все устроила.

— Придумай что-нибудь, Фердинанд, — прошептала она мне, когда мы встали, — мы сваливаем через два дня. Скажи своей ебанашке, что ты хочешь поправить здоровье в Лондоне, объявился твой близкий родственник, который готов тобой там заниматься.

Так и сделаем.

Опыт пребывания там, правда, у меня уже был. Я не особенно обольщался насчет Англии, но все равно это было не сравнить с тем, чего мне довелось нахлебаться в дальнейшем.

— Гы! — говорю я.

Я тоже доволен и увлекаю их обоих за собой. Взявшись за руки, мы дружно канаем к бечевнику, хорошо, когда есть на кого опереться. Там мы останавливаемся. Мы по бокам, а Перселл в центре, между нами. Мы усаживаемся на насыпи прямо в траву. Отсюда еще лучше виден шлюз, возле которого Каскад тогда… В общем… Мои губы сами начинают ему подпевать:

Я знаю…

Что вы хороши…

Глаза ваши нежности томной полны…

Перселл прямо заслушался. Он восторгался

всем, что я делал. Это было так трогательно. Я не смог выдать больше двух куплетов. А он хотел все выучить, Перселл, и просил написать ему слова…

Между тем эти блядские пушки все никак не унимались. Когда они умолкали, я без труда воссоздавал их сам для себя. Я до сих не разучился имитировать пальбу из пушек, получается очень правдоподобно. И все же этот вечер подошел к концу.

— Поцелуй ее, — сказал я Перселлу, — поцелуй ее, — когда мы прощались.

И не могу сказать, что это было неискренне. Есть чувства, на которых нужно настаивать, они могли бы изменить мир, я считаю. Мы все жертвы предрассудков. Мы колеблемся, не решаемся сказать Поцелуй ее! А ведь только этого порой и не хватает всем для счастья. Перселл придерживался того же мнения. Мы расстались друзьями. Он был моим будущим, Перселл, моей новой жизнью. Вернувшись, я все объяснил Л'Эспинасс. Я не поленился сходить за ней в Деву Марию. Она скорчила недовольную рожу. Тогда я заговорил иначе… Там в комнатушке я впервые решил сражаться за себя до конца, в первый раз за всю свою блядскую жизнь, это уж точно. И я не собирался

тратить время на уговоры.

— Мне это необходимо, — сказал я. — Настолько необходимо, что я готов пойти и довести до сведения начальства на Площади, что вы трахаете мертвецов.

Доказательств у меня не было. Я пошел ва-банк. Она запросто могла меня засудить за оскорбление. Ни один задрот из палаты Сен-Гонзеф не стал бы свидетельствовать в мою пользу. Они ничего не видели. Они ничего не знают, кто бы сомневался. К тому же они все меня ненавидели из-за моей долбаной медали и привилегий, какими я тут пользовался.

— Ты сделаешь мне увольнительную на шесть месяцев, слышишь, на шесть, и ни днем меньше, или мне будет нечего терять… и это такая же правда, как то, что меня зовут Фердинанд, я тебя из-под земли достану и вспорю тебе брюхо своей саблей так, что потом его будет очень сложно зашить. Поняла?

Именно так я бы и поступил, кстати. Я же сражался за свое будущее.

— В Англию! — добавил я. — В Англию.

— Но вы же не думаете об этом всерьез, Фердинанд?

— Думаю. И еще как всерьез. Только об этом я

и думаю.

— И что вы собираетесь там делать?

— Занимайся лучше своими сиськами, — ответил я ей в стиле Каскада.

Прозвучало несколько дико, конечно, но, однако же, это сработало.

Через два дня я отправился в Булонь с официальным разрешением на руках. Я боялся, что меня снимут с поезда. Трясся при посадке на борт. Это было слишком прекрасно. Даже мои пыточные шумы сменили тональность и зазвучали более торжественно. Никогда я еще не слышал ничего более величественного, чем сирена корабля в сопровождении моей какофонии. Он ждал меня там на набережной, мой корабль. Он гудел от нетерпения, этот монстр. Перселл с малышкой еще утром должны были прибыть в Лондон. В Лондоне не было войны. Пушек, впрочем, и здесь уже было не слышно. Разве что чуть-чуть, так один или два бум иногда, очень редких и едва уловимых, последний [хлопок] прозвучал уже совсем вдали от моря, где-то на противоположном конце неба, можно сказать.

На корабле было полно гражданских, и это успокаивало, они говорили как раньше, до того как нас отправили подыхать, об обычных вещах

и всякой чепухе. Они устраивались поудобнее, расставляли свои чемоданы, готовясь к путешествию. Было очень непривычно и в то же время приятно находиться на корабле, снова слышать сирену, смотреть по сторонам, оценивая, какой это удобный, вместительный и красивый корабль. Вдруг он затрясся всем своим корпусом или, скорее даже, вздрогнул. А вслед за ним сразу же содрогнулась и поверхность воды в бухте. Мы заскользили вдоль обдаваемых струями [неразборчивое слово] иссиня-черных доков. Пошли волны. Оп! Волна нас приподнимает. Оп… еще выше!.. мы снова внизу. Начался дождь.

Я вспомнил, что перед путешествием я запасся семьюдесятью франками. Агата зашила их мне в карман перед отъездом. Милая, добрая Агата. Мы еще увидимся.

Две взметнувшиеся над громадными пенными гребнями струи стали совсем крошечными, прижавшись к миниатюрному маяку. Город позади съежился. И тоже растворился в море. Не осталось ничего, кроме обрамленного облаками бескрайнего простора. Все это блядство кануло в бездну, земля Франции с ее гнусными пейзажами [скукожилась] и погребла под собой миллионы разлагающихся убийц, все свои рощицы, кладби-

ща, многосортирные города и другие скопления осиных гнезд с десятками тысяч тонн дерьма. Ничего этого больше не было, все забрало и поглотило море. Да здравствует море! И я даже ни разу не блеванул. Я себя исчерпал. Я и так постоянно мучился от головокружений безо всякого корабля. Война подарила мне не менее впечатляющее море, мне одному, оно шумело и грохотало, ни на секунду не смолкая, у меня в голове. Да здравствует война! С берегом окончательно было покончено, оставалась, может быть, только узенькая развевающаяся на ветру полоска. Там, слева от понтона, где раньше была Фландрия, но и она затерялась вдали.

А Дестине, кстати, я больше никогда не видел. И никогда ничего о ней не слышал. Хозяева Гиперболы наверняка, набив себе карманы, выставили ее на улицу. Забавно, что на свете есть такие существа, они возникают у вас на пути откуда-то из бесконечности, тащат за собой огромный воз сантиментов, как на рынке. Об осторожности они не думают и просто вываливают свой товар перед вами абы как. Они не знают, как правильно представлять сваленные в кучу вещи. Но ни у кого нет времени, чтобы им помочь, мы проходим мимо, не оборачиваясь, мы спешим по своим делам.

Должно быть, это их огорчает. Они забирают свои вещи и уходят? Или же все разбазаривают? Я не знаю. Что с ними стало? Нам об этом совершенно ничего не известно. Возможно, они снова отправляются туда, где до них никому нет дела. Этот мир огромен. В нем так легко затеряться.